

„СОЦКОН 89”

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

поселок Коблево ● Николаевской области - СССР

3-9 сентября 1989 года

Фентернет

Булгакон

2010

Балчик

4-6 сентября

ОЕН

журнал
“ФАНТАСТИКА, ЭВРИСТИКА, ПРОГНОСТИКА”
БОЛГАРИЯ

ХУДОЖНИК СТЕФАН ЛЕФТЕРОВ
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ “ЭВРОКОН-88”

Лауреат премии Еврокона “Best Fansine” за 2003 год

Содержание:

- 1 с. – Содержание
- 2 с. – Новая роль фантастики, в начале третьего тысячелетия -
- 8 с. – "Болгарский след" в жизни и творчестве братьев Стругацких – Владимир Борисов
- 14 с. – "Покушение" – Ангелина Илиева (Йоан Владимир) – *новелла*
- 28 с. – "Десять на минус девятой степени" - *фрагмент и краткий пересказ романа*
- 37 с. – И спросил солдат: - кто меня позвал? *рассказ Янчо Чолакова*
- 46 с. – "На кладбище Дампера" – *рассказ Александра Карапанчева*
- 53 с. – "Стрекозы и планеты" – фантастичия
- 54 с. – "Орфей спускается в ад" – *резюме романа Георгия Малинова*
- 56 с. – "Обжора" – Янчо Чолаков

НОВАЯ РОЛЬ ФАНТАСТИКИ В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В настоящее время фантастика стала значительным явлением общественной жизни. Она увела массы читателей от литературы всех жанров и направлений: и от классической литературы, и от авангардной, и от развлекательной. Ею увлекаются как самые простые люди, так и элит общества. И она их не просто увлекает, а влияет на них - мировоззренчески, морально и даже политически. С каждым годом фантастика втягивает в свою орбиту все более широкий круг авторов, причем авторов, как правило, достаточно квалифицированных и очень быстро вписывающихся в сообщество. Она одновременно образовала более-менее замкнутую субкультуру и стала мощным средством воздействия на общество в целом. Однако смысл этих процессов по сей день остается совершенно непонятым ни внутри "фэндом", ни для традиционной литературной критики, ни для обычных читателей.

....Процесс замены традиционной прозы фантастической начался, пожалуй, уже в конце восемнадцатого века и со временем лишь ускорялся. Совершенно не случайно, что три из крупнейших писателей начала и середины двадцатого века - Гессе, Булгаков и Хаксли - в сущности были более чем наполовину фантастами. А уже к концу двадцатого века процесс стремительно двинулся к развязке. Явно возникает феномен, аналогичный "последним римлянам", - феномен "последних больших" писателей. Например, в Фаулзе борются две субличности: традиционного писателя и фантаста. И хотя традиционный писатель является главной субличностью, требующей, так сказать, предпочтений, однако, регулярно побеждает фантаст. А у Пелевина, похоже, такой борьбы уже и нет, и "фантаст" с самого начала господствует над "большим писателем".

....Традиционная литература оказалась неспособной трактовать проблемы познания, творчества и "места человека в космосе" на достаточно высоком уровне, не то что для читателей, а для самих писателей, уровне, а превратилась в литературу для "домохозяек" обоюбого пола. А литературный стиль сам по себе стал игрушкой далеко не самых умных и совсем не интересных людей.

....Теперь фантастика открыто показывает, что является отраслью человеческого духа, в литературной форме трактующей вопросы метафизики и теории познания, философской антропологии и внеконфессиональной теологии, политической и моральной философии.

Русскоязычная фантастика как теновой духовный лидер"
Михаил Денисов, Виктор Милитарев

МАТРИЦА 4: ДЕФИНИЦИИ

Еще в 1981 году, когда сформулировал свою первую дефиницию о фантастическом произведении я думал, что это то "художественное произведение, которое выполняет свои задачи посредством введения в системы отражаемого бытия системообразующий фактор ФАНТАСТИЧЕСКОГО (невероятное, несбывшееся, гипотетическое, (по критериям **современной для автора** науки). В те годы, в атмосфере враждебного отрицания значимости фантастики, мне эти размежевания и уточнения казались важными. Потом, со временем, я решил что все это не так уж важно. Но в моей дефиниции еще тогда прозвучали некоторые констатации, которые так и не стали достоянием публичного пространства, и по сей день одно за другим предлагаются определения все частнее и аморфнее.

1. Фантастика не "жанр" а "типологическая разновидность искусства пронизывающая всю структуру культуры" (см. Рис. 1)

2. "Травестия фантастического". Возьмем по одному персонажу из мистической и научной фантастики – Дьявол и Робот (воображаемый Робект-субъект, а не, так называемое сегодня, человекоподобное устройство). В самых ранних религиозных произведениях Черт – герой сам по себе. Его появление, его внешность и действия самодостаточны как тема и смысл произведения. В позднем средневековии при бурном развитии карнавальной прозы (явившейся как критическое отношение к церкви и христианскому мистицизму) дьявол появляется всегда со Смыслом (и то разным) – совратить кого-то, разобличить чье-то лицемерие, размешать карты кому-то. Там он уже инструмент действия, а тема события – То, Для Чего введен Черт в текст.

Таким способом образ Робота (искусственная, внечеловеческая личность) переживает подобные трансформации. При первом появлении в массовых рассказах и романах (уроки Чапека оказались слишком сложными для сочинителей технической НФ) Робот самодостаточен и зетмевает бледных персонажей. Объект описания – его металлический корпус, светящиеся глаза, могучая поступь, и т.п. Но проходят несколько десятилетий и появляются "роботы следующего литературного поколения". Они приходят по воле Автора чтобы поставить вопрос, напутать чьи-то планы, или разрешить этическую ситуацию не имеющую ничего общего с роботикой или механоэволюцией.

Итак, нетрудно выяснить, что образный носитель фантастического не обязательно адекватен целевой ориентации произведения.

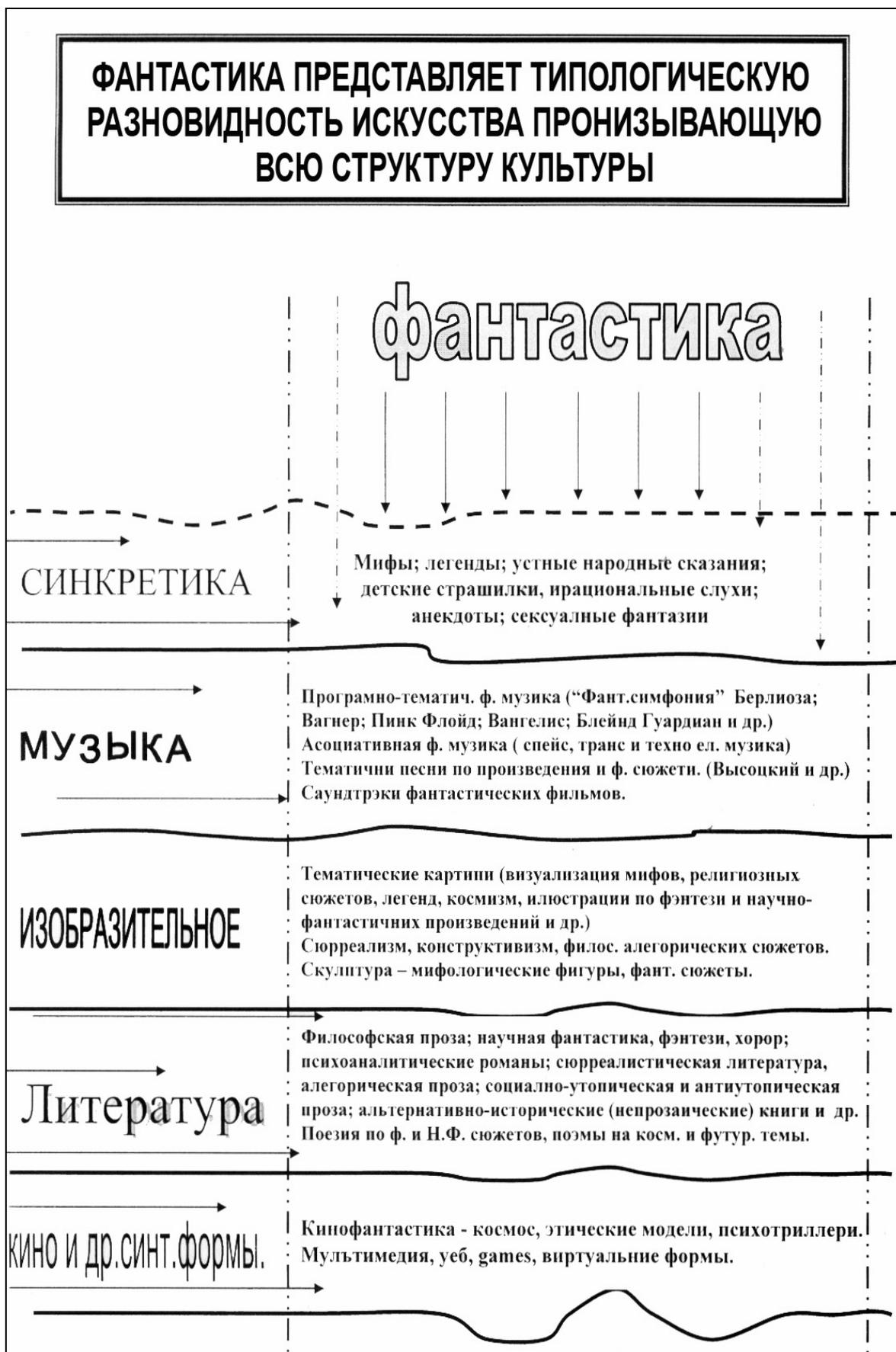
Сегодня, когда мировая фантастика абсорбировала в свои недра до полной ассимиляции эти персонажи и превратила их в утонченные инструменты для сюжетообразования и экспериментального решения философских, этических и метафизических задач, вполне можем представить себе такой вот рассказ:

"Мрачный, меланхолического склада робот, в результате долгого исихастического сомопрограммирования, дошедший до полного мистицизма, вызывает пентаграмом молодого просвещенного черта, который с высоты своих двух адовских высших образований разъясняет ему мудрость системного анализа." Как это делал в фильме "Blade Runner" биоробот Хауэр, открывая глаза человеку (Харисону Форду) на красоту звезд.

Доходим до:

3.

“Целевой ориентации фантастического изменения”. Другими словами – “НЕ ВАЖНА СУТЬ ФАНТАСТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ. ОПРЕДЕЛЯЮЩИМИ ЯВЛЯЮТСЯ ТОЛЬКО НАМЕРЕНИЯ АВТОРА, ВВОДЯЩЕГО ЕГО В МОДЕЛЬ ИЗОБРАЖАЕМОЙ РЕАЛЬНОСТИ. ТОЕСТЬ, СУЩЕСТВЕННО ТО, НА ЧТО ХОЧЕТ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ АВТОР, КОГДА ПРОПУСКАЕТ РЕАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ.”

II. САМОЕ ГЛАВНОЕ ИЗ ИСКУССТВ

Надеюсь, не нужно цитировать статьи, чтобы утверждать очевидное:

В современном кино фантастическое превратилось в одно из самых универсальных выразительных средств. Ни один вид сегодняшнего кинематографа не обходится без фантастических версий своих излюбленных тем. И речь идет не об (до боли знакомом) экшн-триллере, который регулярно перепрыгивает в смежные пространства фантастики, чтобы обзавестись оружием позабористее или неподозреваемыми катастрофическими эффектами, на фоне которых обоюдное избивание плохих и хороших героев, выглядит рельефнее.

И речь также не идет о экранизации НФ и фэнэзи романов с мировой известностью.

Речь идет о таких традиционно реалистически тем как:

“Психология брака” (Family man)

“дитя во взрослом человеке” (The Kid)

“насилие и социальное раздвоение” (Fight club)

“творение поработавшее творца” (Simone) и т.д. и т.п.

Фильмы в одной или другой степени фантастичности овладевают массово мировой экран и превращаются не только в кассовых рекордеров, но и в йероглифы планетарного общения – культовые идиомы в журналистике, жаргоны видеоведущих, летучие фразы массового языка, политические шаблоны, понятные всеми. Вспомните наконец откуда пришла “империя зла” в уста Рейгана по отношению к СССР...

III. ИЗМЕНЕНИЕ – МАТЬ ПОРЯДКА

Азимову приписывают одну дефиницию, на которую никто не обратил серьезное внимание из-за ее исключительной простоты:

“ФАНТАСТИКА – ЭТО ЛИТЕРАТУРА ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ”

Посмотрим, о каких изменениях идет речь:

Все согласны, что фантастика тоже отражает действительность. Во всей человеческой истории отдельно взятый человек воспринимал действительность как какое-то сложное, изменчивое, разнообразное, но статическое целое, которое развернулось вокруг него. Он конечно знал, что где-то случаются необратимые изменения, но они всегда воспринимались как локальные деформации “чего-то незыблемого” или же как медленные трансформации всего мира, куда-то “вне границ человеческой жизни” Не только отец, но и дед мог дать дельный совет молодому человеку на все случаи жизни. Мудрости не успевали потерять актуальность. При такой, исторически сложившейся, скорости социальных изменений, при такой кажущейся неизменности человеческих качеств (как и формы их проявлений), эстетика отражения этого повторяющегося многообразия реальности совершенно естественна. Здесь доминантной является эстетика традиционной реалистической культуры: литературы, театра, живописи, кино. Фантастическими интерпретациями реальности занимались единицы, которые искали гротескное в изменениях, аллегорическое обобщение которых помогало им “узреть мгновение издалека” точнее попасть в его суть. До 19 века даже фантастам не мог прийти в голову образ сверхускоренного социального времени.

Этот образ пришел вместе с эпохой.

Сегодняшняя ситуация, когда не только дед и отец, но и большой брат не может дать полезный совет подростку – ВНЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА.

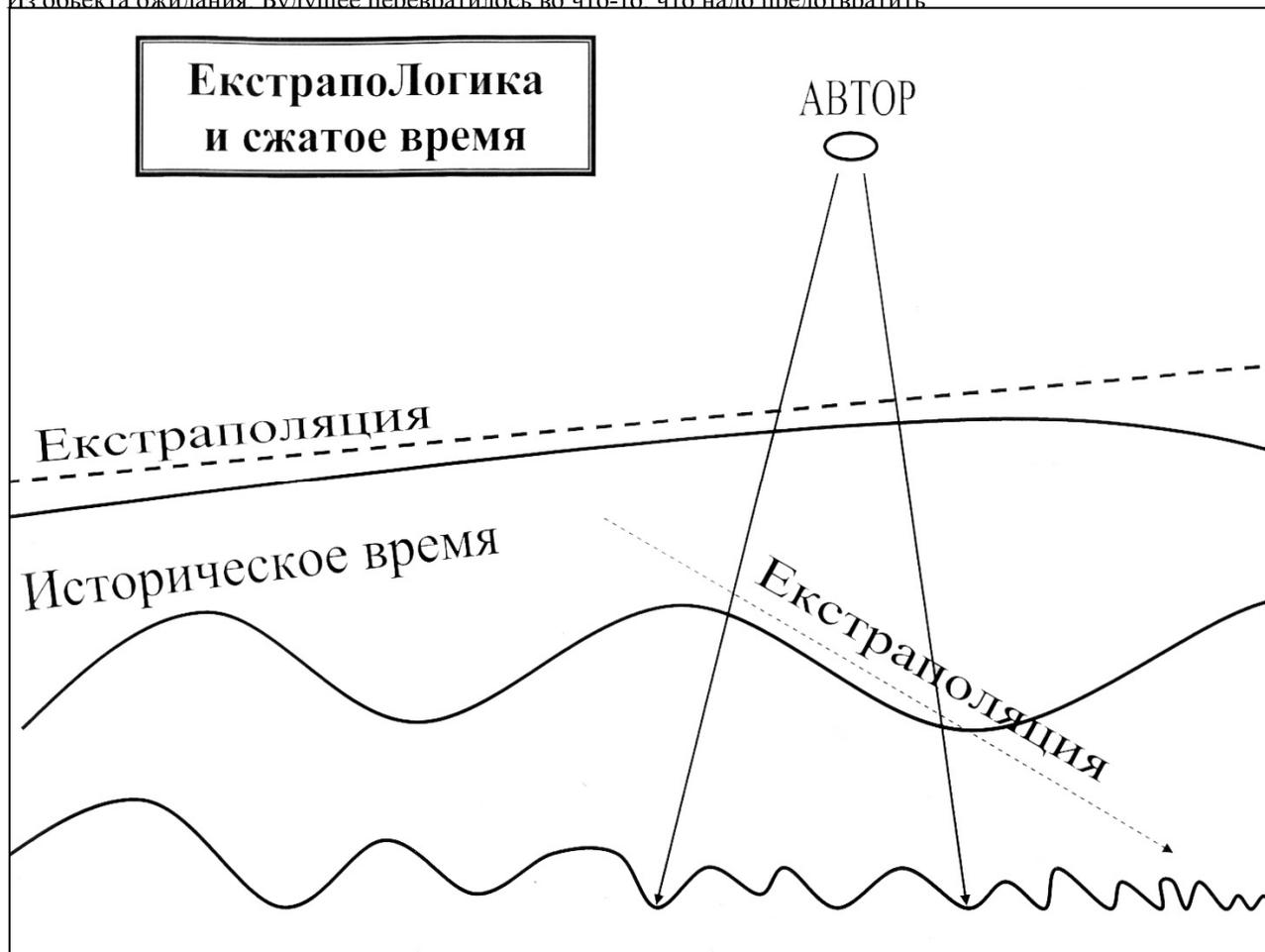
IV. БУДУЩЕЕ – ИНСТРУКЦИЯ К УПОТРЕБЛЕНИЮ

Автор, который берет для отражения отрезков времени, равный человеческой жизни, в разные времена решал совершенно разные задачи (см. рис.2). До французской революции он мог экстраполировать “вечную неизменчивость” человеческого мира и души. В следующих двести лет синусоида социальных изменений ломается до той степени, что Автору кажется, что он вправе экстраполировать, как полный упадок, так и абсолютный восход, а в последнем периоде она больше похожа на вибрацию, так что не помогает никакая ЭкстрапоЛогика, а остается тревожное трепетание, - особый вид интеллектуальной фрустрации.

Шуточный закон Мура о непрерывном удвоении скорости компьютерных процессоров имеет свой социологический аналог. Роберт Антон Вилсон говорит о накопленном до рождения Иисуса знании как об единице “прыгающий Иссус”. Эта единица с начала новой эры удваивается в нарастающем ритме. В первый раз - за 13 веков, потом за три, потом за один..., сегодня этот период равен нескольким часам. В нашем бывшем соцлагере дела обстоят еще круче – одновременно живут люди пережившие три социальных модели общества – монархический, социалистически-тоталитарный, и что-то вроде “либерально-демократический”. При таком сгущении интервалов изменений не исключено что они попробуют и четвертый, но вряд ли им станет слаще. Футурошок, о котором алармировал более двадцати лет тому назад Тоффлер, перестал быть экзотикой – вжился в сиюминутность массового

человека. Этот человек не адаптировался к футуротравме – она скрылась под внешне затянувшимся рубцом – “инфекция” работает вглубь.

Из объекта оживания. Будущее превратилось во что-то, что надо предотвратить.

Логика разборок между государствами, между силовыми и корпоративными структурами стала по сложности непознаваемой для обычного человека.

Государственное управление, неуловимо перерастающее в манипуляцию, бросет личность в объятия хладнокровной параной.

Пространство быта наполняется все более и более трудно понимаемыми машинами на фоне корчи семьи, как историческое разделение ролей между мужчиной и женщиной.

Информационное пространство генерирует новые формы общения, новые структуры группирования личностей.

Существовавшая всегда конфронтация “бедных богатых” добывает принципиально новое значение при наличии ТВ и WWW прозрачности жизни “золотого миллиарда” и влиянию образа этой жизни на население проживающее на 1 доллар в день.

(Ну, это лишнее, скажут многие, ЭТИМ не до фантастики, так что отклоняемся от темы... Каюсь, вы правы, беру текст обратно...)

V. И ВСЕ ТАКИ – РЕЗУЛЬТАТ?

Какие могут быть формы искусства, адекватно отражающие эту ситуацию?

Разве это психологические романы, следующие танец души в капле застывшего времени? Или любовные повествования о связях, тянувшихся десятилетиями? Или же наконец, стенания разпадающегося сознания?

Нет, конечно!

Традиционная культура, изобретившая эти рефлексии, сходит со сцены вместе с породившим их социальным временем.

Здесь надо сделать одно очень важное уточнение: Во всех исторических эпохах до нашей было совсем закономерно принимать, для отражения отрезков времени, сравнимый с жизнью человека, и констатировать в этом отрезке весь набор неизменных человеческих рефлексий. “Так было и так будет” – рефрен, возможный до середины 20 века. Сегодня на эту парадигму могут уповать только определенная группа людей. Они заслуживают специальное внимание.

В период медленного социального времени, реалисты отражали “человека-константы”, и общество, где всякие разительные изменения воспринимались как *deus ex machina* и фантасты, говорящие о предстоящих потрясениях или

чудесных изменениях, легкой рукой обзывали “ескейпистами”- беглецов от реальности. “Идите к нам, в грязь ежедневия не надо искать эффектов и шокирующих видений. Легко писать о космосе и будущем, где никто не был!” – брюзжат реалисты. И некоторые из “блудных фантазеров” виновато возвращаются к “настоящим художникам”. И это в большой степени до конца 19-го века было правильным поведением, потому что большие проблеммы и важные истины были там – у неизменной реальности.

Сегодня возникает диаметрально противоположная ситуация – отрезок времени, охватывающий жизнь героя, кишит неожиданными изменениями и сюрпризами. Плавный психологизм в исследовании души становится все более трудным, динамика диктует перерывистой структуре повествования, и, о ужас – сюжет выводит философские внушения. И тогда:

ИСКУССТВО, ОТРАЖАЮЩЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ, СТАНОВИТСЯ САМЫМ АДЕКВАТНЫМ ОТРАЖЕНИЕМ РЕАЛЬНОСТИ. КАЖДЫЙ, КТО УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ОН РЕАЛИСТ И ПРИЗНАЕТ ТОЛЬКО ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО – ТОТ НАСТОЯЩИЙ “ЕСКЕЙПИСТ” (потому что **реальность** и **изменение** уже синонимы).

Он бежит от Реальности Меняющегося Времени, вцепившись в отдельный стоп-кадр привычности и не хочет знать, что этот кадр неуклонно сползает вместе с кинофильмом истории все глубже в прошлое. (Типичные примеры – для женщин это любовные романы, для мужчин – дешевая экшн-мордобойня).

Единственно фантастика имеет опыт в отражениях изменений и она неожиданно оказалась под перекрестными лучами прожекторов. Она на сцене как талантливая актриса, неожиданно для себя вдруг занявшая место примадоны, и еще не выучившая свои реплики.

VI. НО ГОТОВА ЛИ ОНА К ЭТОМУ?

Позволю себе грубую аналогию: В этой ситуации фантастика тоже “футурошированная”! Она похожа на автомобильный спортсмен, который пошел на состязание, водимый только несбыточной жаждой победы, а вдруг оказался победителем по причине крушений всех сильных опонентов. Его заваливают наградами, обливают шампанским, а он потрясенно вертит головой к опушке, где догорают конкуренты. Ему предстоит занять их место, потому что природа не терпит пустого места.

И здесь начинается возмездие за успех. Он поехал ради движения вперед, а сейчас нужно разливать шампанское, писать автографы и произносить заученные фразы, – то есть топтать на месте, потому что люди хотят от него привычное...

Кино, как самое динамичное из искусств, первое выявляет тенденции:

Подумаем об оглушительной популярности “Гарри Потера”. Миллионы детей в разных странах одиноково реагируют на фрустрацию мира взрослых, они как всегда хотят, чтобы их окружали сильные, способные адекватно реагировать на все трудности, родители. А мир взрослых колышется глубинными толчками. Дети интуитивно отражают эту нестабильность, для их сознания “естественный выход” из положения - магическая технология. (Для неведомых опасностей нужно запастись неведомой силой...) Но они не получают эту силу даром и легко, ею нужно упорно учиться, рискуя потерять себя и еще много чего... Как это происходит в книге и в фильме. Однако является ли это самой удачной формой, уже совсем другой вопрос...

Не случайно все больше издателей книг и распространителей фильмов не наклеивают на свой продукт этикетку “фантастика”. Безконечные тысячестраничные эпосы не нуждаются таким отгорожением от широкой аудитории. У них уже своя публика, которая ищет успокаивающий исторический декор. Там трансформативная энергия изменения принимает форму игры, могучая энергетика магии не знает неполадки, нравственная элементарность псевдофеодалных миров и простота их пирамиды, помогают нам забыться нырнув в мир, где распределение ролей по леснице успеха определяется личной силой, наследственностью или “избранничеством”. Остающиеся всегда “самими собой” герои, преодолевают все трудности, доходят до конца или, как минимум, умирают красиво. О мечтательная, привлекательная, очаровательная простота!

В начале 20-го века, в периоде своего почкования, фантастика была тонким ручейком в обширном поле традиционных искусств, которые самоупоенно твердили: “так было и будет!” А фантасты “нахмуренно плевали на их оглупевшие мудрости”. Они одни говорили о “пришествии нового мира”, о звездах и преобразующей силе машин. Всерьез принимали ее немногие, но она принимала себя говорителем следующего.

Сегодня, в момент победы Фантастики, большая часть творцов, писавших по тем законам состарились и потеряли свою конструктивную энергию – некоторые помудрели, другие достигли свой предел ограниченности, третьи озлобились из-за поругания надежд. С другой стороны к фантастике примкнуло множество талантливых художников из традиционных направлений, которые гибко среагировали на наличие публики и на возможность исследовать волнующие их проблеммы посредством метода фантастической интерпретации. Вырастает и совсем молодое поколение авторов, несущее на себя как рубец футурошока, так и новые виртуальные раны (солипсистическое сомнение в реальности физического мира), которое воспринимает экстраполяцию хаоса как часть быта, неизменная порочность человеческой природы как сущность.

Но означает ли все это, что фантастика сразу примет за все эти нудноватые и глубокомысленные деятельности, которые до этого момента были приоритетом традиционного искусства? Нет, как всегда она делает дело своим способом, который происходит от ее игрового и импровизационного характера. (см. рис.3)

Вопервых: (это видно всеми) практически полное овладение детско-юношеского искусства – Поттер, Властелин, Спайдермен (прошлым летом в поисковых машинах Yahoo зарегистрировано рекордное 2 миллиардное упоминание этого словосочетания) и т.д. (см. рис.3)

Вторых: Фэнтези успешно заселяет последние территории приключенческого, авантюрного и даже в большой степени исторического романа.

Третьих: Хорор все более усложняется психологически, ассимилирует публику психологического и медицинского триллера, психоаналитического романа, брутального приключения и вестерна.

Наконец: Альтернативная и криптоисторическая фантастика приняв в свои ряды талантливых прозаиков и историков, дотягиваются до последних оплот исторического романа (где еще не ступила Time machine или Fantasy).

Но куда мы идем, - скажет более выедливый читатель, - разве фантастика возникшая как отражение изменения, станет обслуживать чисто консервативные сферы, как это делает фэнтези с "безконечным и вечным феодализмом", например?

Ну конечно же, и самая стремительная река разлившись по равнине, порождает болота...

Но никто не может "закрыть" тревожной прогностичности фантастики. Те, которые остроумно и вдоволь нашутись на тему, проколов предвидений фантастов, пусть полистают толстые тома эстетов – прогностическая функция одна из обязательных черт всего искусства. Никто не может запретить появление героев, которые понимают и владеют научными представлениями о мире, которые окажутся вестниками (а может быть и вдохновителями) реальных исторических лиц, способных нащупать выход из сегодняшней глобально кризисной ситуации. Никто не может запретить появления талантливых писателей, которые откажутся бесконечно злоупотреблять паникой, фрустрированного прогрессом, массового человека, и генерировать всем привычные "mad scient"-ов и "mad max"-ов...

Думаю, что на поле разлившейся повсюду "фантастики вообще" снова пробьется тонкий ручеек "новой книги перемен", который окажется аваградом непобедимого человеческого духа.

В конце концов происходит не то, что мы считаем нужным, а то, что невозможно избежать.

Атанас Славов

София
Апрель 2003

«Болгарский след» в жизни и творчестве братьев Стругацких

Честно говоря, упоминаний Болгарии в художественных произведениях АБС практически нет. Разве что в «Поиске предназначения» С.Витицкого в рассказе об одном литературоведе сказано: «Один раз он, правда, взбрыкнул – взял да и возвысил свой голос в защиту тунеядца Бродского. Но сразу же, на другой день уже, – притих. Погас, замолчал, прижал уши. И немедленно уехал в Болгарию, на конгресс прогрессивных деятелей искусства». И всё. Это удивительно, ведь Болгария была одной из немногих зарубежных стран, в которую удалось выбраться Аркадию Натановичу. Хотя обычно, как писал Борис Натановичу Анту Скаландису, «АНа не пускали в капстраны. Было несколько случаев, когда из Японии, США, Италии приходили персональные на него приглашения, а ему об этом (официально) даже не сообщали, и вместо него ехал какой-нибудь чиновник из Союза Писателей. Запрета на соцстраны, как я понимаю, не было. АН ездил (по приглашению) в Болгарию, а потом – на Чапековскую конференцию – в ЧССР. И если мы мало бывали в соцстранах, то, подозреваю, потому только, что «не больно-то хотелось». В Болгарии АН познакомился с нашими издателями, получил гонорары и остался очень поездкой доволен». Об этой поездке мы скажем подробнее, а здесь я приведу большую цитату из книги А.Скаландиса «Братья Стругацкие»:

«Удивительнее другое. Все их путешествия, совершённые поодиночке, тоже оставили самый минимальный след в творчестве. Причем так: для пейзажей, для антуража, для наполнения деталями создаваемых АБС миров активно используются впечатления юных лет обоих авторов, их поездки по стране, связанные с учебой и с работой. А практически все путешествия долгого тридцатилетнего периода их общей литературной работы никак... ну, почти никак не отразятся в книгах.

Автотуризм БНа мелькнет один раз – в «Понедельнике», чтобы еще раз вернуться только уже в «Поиске предназначения». Посещение АНом Латвии слегка повлияет на внешние признаки мира, изображенного в «Хищных вещах». Но очень слегка. А все остальное: Чехия, Польша, Болгария, Таджикистан, Литва, Молдавия, Белоруссия, Украина, Азербайджан, Грузия, Армения – ну, ни намёка, нигде, ни единым штрихом. Вывод один: АБС – не путешественники по натуре, они отдыхать ездили не за впечатлениями, а за покоем и возможностью расслабиться. Отвлечься, выкинуть все из головы, убежать от проблем, от суеты, от телефонных звонков и писем, иногда – от самих себя. Наивно, несбыточно? Да нет. Им удавалось. Правильно говорят: кто умеет работать на совесть, тот и отдыхает на славу».

В книгах Стругацких о Мире Полудня очень широко представлены самые разные национальности. Но судить об этом зачастую можно лишь по необычным фамилиям. А болгарские фамилии, даже если они и встречаются, часто не слишком-то отличаются от русских. Вот кто по

национальности Пётр Ангелов, сотрудник КОМКОНа-2? Или два Арнаутовых, второстепенных персонажа в «Стажёрах» и «Попытке к бегству», один – космонавт, другой – профессор. А в «Частных предположениях» присутствует Ружена Наскова. Болгарка? (Хотя в первой версии рассказа она была сначала Кунертовой, и это, скорее всего, чешская фамилия, во второй версии – Томанова.) Вот и поди пойми...

Черновики произведений АБС принесли ещё одну находку. В одном из вариантов повести «За миллиард лет до конца света» есть такой эпизод:

«Вечеровский медленно поднялся и, выдернув шнур из розетки, снова уселся.

– Я тут вспомнил одну болгарскую картину... «Дракон», кажется, называется, телевизионный такой фильм, короткометражный... Инопланетянин, так сказать, в роли дракона, кино, собственно, не очень, но вот речь там тоже шла о достоинстве, о достоинстве человечества, то есть конкретно о нашем с вами достоинстве. – Он помедлил. – Либо он отдаст дракону невесту, либо человечеству придет конец... Такая вот проверка...

– Да-а-а... Хороша проверочка! – покачал головой Глухов».

А вот в переписке братьев Стругацких Болгария встречается. Предлагаю вниманию читателей цитаты из писем, которые, как правило, не требуют никаких комментариев.

Первое упоминание относится аж к 1950 году:

Аркадий – Борису от 20 апреля 1950:

Далее, медленно, но верно, с упорством, достойным, несомненно, лучшего применения, читаю «Теорию отражения» Тодора Павлова, болгарского философа-марксиста, освещающую ряд любопытных вопросов теории познания.

Аркадий – Борису от 13 октября 1958:

Не знаю, как там в молодежной газете в Казахстане, а в № 8 за этот год болгарского журнала «Наука и техника за младэнта» наш «Извне» напечатан под названием «Гости из космоса». Иллюстрации взяли из «Т-М» [Техника – молодёжи], идиоты. Вот так-то. Мы в зарубежной печати.

[А ведь это, похоже, первая зарубежная публикация Стругацких! Правда, в том же, 1958 году, «Извне» были опубликованы в Венгрии, Польше и Румынии, но, судя по номерам изданий, всё-таки позже, чем в августовском номере журнала «Наука и техника за младежта». Здорово!]

Борис – Аркадию от 23 февраля 1967:

Прочел первый номер Инлит-ры. Ничегё. Публицистика подобрана неплохо, но все эти румыны и болгары совершенно портят впечатление. А этот фантастический юмор!..

[Первый номер «Иностранной литературы» за 1957 год был полностью посвящён фантастике. В частности, там был опубликован рассказ Антона Дончева «Возвращение и подборка миниатюр Антона Донева под общим названием «Фантастический юмор». А вот румынов там вообще не было! Из социалистических авторов были ещё чех Иво Штука и кубинец Анхель Аранго.]

В Лавку Писателей прибыло 40 экз. «Избранного» Булгакова. Имело место заседание специальной распределительной комиссии. Выделили томик и мне, чем я очень горжусь. А еще купил я Гуляшки «Аввакум Захов против номера 07» – ну и гавно! Господи, набрел ведь человек на хорошую идею, но ведь слабак же, говнюк, все испортил, бестолочь славянская.

Борис – Аркадию от 9 мая 1968:

Получил письмо из Болгарии, от журнала «Дети. Искусство. Книги», «издание дома на литературата и изкуствата за деца и юноши». Прислали анкетку, просят ответить. Если ты

получишь такое же – не беспокойся: я этим займусь – страсть люблю анкеты.

Аркадий – Борису от 12 мая 1968:

Письмо из Болгарии тоже получил. Рад, что ты ответишь. Возьми за основу нашу заметку в «Ин. Л-ре», вопросы примерно те же.

Борис – Аркадию от 25 мая 1968:

На днях ко мне заходила редакторша из болгарского издательства «Молодая гвардия» (или что-то вроде). Очень хорошо поговорили. Она редактирует перевод ТББ [Трудно быть богом] и ПНвС [Понедельник начинается в субботу], и у нее была пара вопросов. Кроме того, она попросила кой-чего новенького, и я дал ей УнС [Улитка на склоне]. Она уже слыхала об этой повести и думает, что в Болгарии ее можно будет издать без труда. Дал ей заодно и «Опаляющий разум» Альтова (хорошая книжка). Она сообщила, что в Болгарии вышли (по крайней мере) С [Стажёры] и ХВВ [Хищные вещи века], обещала похлопотать, чтобы прислали.

[Конечно, в 1968 году «Улитку на склоне» в Болгарии опубликовать не удалось. Лишь в сборнике 1983 года «Неуговорени срещи» увидела свет на болгарском языке первая, «лесная» часть «Улитки». Но попытка издать её раньше всё-таки предпринималась... А в СССР впервые издать «Улитку» полностью получилось лишь в 1988 году.]

Борис – Аркадию от 05 сентября 1968:

Пришла бандероль из Болгарии. Пять экзов перевода ТББ и ПНвС. Здорово издали. На родине нас так не издают.

Борис – Аркадию от 2 июля 1969:

Пришло письмо от болгарских ребят – физиков и астрономов. Интересуются судьбой УнС и выражают восхищение нашим творчеством. Я им ответил ласково, но о болгарском варианте, естественно, ни гу-гу.

Аркадий – Борису от 29 января 1970:

Кстати, не помню, сообщал ли я тебе, что в Болгарии вышла книга «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом» – уже в другом переводе.

Борис – Аркадию от 17 марта 1970:

Кстати, ударяешь ли ты хоть палец о палец насчет поездки в Болгарию осенью и насчет устроиться куда-нибудь в дальнюю экспедицию? Всегда ты так, братец: приедешь, наговоришь с три короба и – увы!

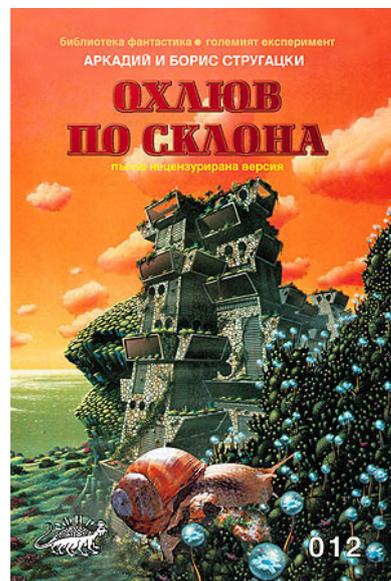
Аркадий – Борису от 20 марта 1970:

С Болгарией видимо ничего не выйдет. Только что говорил с ответственным лицом. Трижды посылали запрос о нас и не получили ответа. Что касается экспедиций, то лицо, с которым я говорил, пребывает в Индии и не поддается достатую. Все три короба у нас с тобой в штанах.

[И действительно, поехать в Болгарию в 1970 году братьям не удалось.]

Борис – Аркадию от 10 мая 1970:

Кстати, что там в Болгарии? Не собираются прислать экзы? Спроси в иностранной комиссии. Сам не хочешь с этим связываться, – выясни адрес издательства, я напишу.

Аркадий – Борису от 14 мая 1970:

В «Юности» и Инокомиссии не был недели две. Так что насчет одобрения и насчет экззов из Болгарии ничего не знаю. Ужо схожу, а куда некогда.

Аркадий – Борису от 17 августа 1970:

Случилась странная или потешная штука. Звонит мне вчера Юра Борецкий, поговорили о том-сем (пока ничего нового), а он и говорит: кстати, в Пушкинском доме был? Нет, говорю, не был, а что? Выясняется, что в нашем Пушкинском доме, именуемым еще Музеем изящных искусств, имеет место выставка болгарской графики, и представлены в частности великолепные иллюстрации художника имя рек к повести «Улитка, взбирающаяся по склону» (авторы не указаны). Борецкий в восторге, графика, говорит, изумительная. А?

Борис – Аркадию от 25 августа 1970:

Насчет болгарской графики – это те же самые иллюстрации к УнС, которые уже были готовы, когда книжку засекали. Да, хотелось бы взглянуть. Хоть ты-то сходи – интересно ведь.

[Больше об иллюстрациях к «Улитке на склоне» в переписке братьев ничего нет. Интересно было выяснить, кто же тогда сделал иллюстрации? К упоминавшемуся выше сборнику «Неуговорени срещи» рисунки делал Борислав Ждребев, а раньше?]

Борис – Аркадию от 16 декабря 1971:

С Болгарией заключен договор, как с Венгрией. Не соберутся ли и там что-нибудь издать? Люблю левы.

Аркадий – Борису от 27 марта 1974:

Звонили из ВААП. В Болгарии издано ДоУ [Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста»]. Нам прислали 1070 ряб. На руки получим что-то около 560 ряб. Ничего себе налоги, а? Не разбогатеешь. Но и по 280 на земле не валяются.

Борис – Аркадию от 29 марта 1974:

Не совсем я усек из твоего письма, могу я уже звонить в ленинградское отделение УОАП насчет денег за болгарский ДоУ или это теперь делается как-то иначе? Ты узнай и мне отпиши.

P. S. А как насчет экззов болгарского Доу?

Аркадий – Борису от 13 апреля 1974:

Полагаю, деньги из Болгарии ты уже получил. Оплачивает непосредственно ВААП, где бы ни жил автор.

Борис – Аркадию от 17 мая 1974:

Кстати, деньги из Болгарии я тоже получил (ок. 280), только так и не понял, за что.

[Середина 1970-х годов была очень трудным периодом для братьев. Их практически не печатали на родине, приходилось перебиваться только гонорарами за иностранные публикации, каждый рубль был на счету. Борис тогда продавал свою коллекцию марок, которую собирал многие годы, а Аркадий подрабатывал рецензиями, сценариями, переводами...]

А вот и первое упоминание о клубе в Пазарджике:

Борис – Аркадию от 23 сентября 1975:

Получил письмо от секретаря Клуба АБС (сам понимаешь, «А. и Б. Струг-е»). Клуб

сей обосновался в славном Болгарском городе Пазарджик. Среди всего прочего секретарь пишет, что было болгарское издание «Отеля...». Ты о нем слышал? И не помнишь ли, деньги мы за него получали? Впрочем, пардон. Посмотрел в свои записи: да, получали, – еще в начале прошлого года. Но где экзы? Я попросил этого секретаря прислать.

Борис – Аркадию от 9 октября 1977:

Из ВААПа пришло письмо: просят дать разрешение на издание ПХХПВ [Полдень, XXII век] и М [Малыш] в Болгарии. Я дал.

Аркадий – Борису от 1 декабря 1977:

Когда писал это письмо, принесли из Болгарии сборник «Съветская фантастика». Там наш «Малыш». А есть и гнусный фельетончик Медведева. Книгу прислал некто Георги Арнаудов из Софийского «Градски младежни дом, Клуб по прогностика и фантастика». Тебе тоже, наверное, выслали.

Борис – Аркадию от 12 апреля 1978:

В Болгарии, видимо, намерены переиздать ТББ. Просили через Брандиса фото. Отнесу их ему на той неделе.

Аркадий – Борису от 2 июня 1978:

Были мы у Ревичей, встретились там с одним болгаринном, который оказался еще и армянином. По словам Таньки, он специально приехал в Москву на два дня, чтобы повидать хоть одного из Стругацких. Хороший парень: все время молчал и пялился на меня, я уже стал бояться за свою невинность.

Аркадий – Борису от 27 августа 1978:

Ждем с Ленкой паспортов в Болгарию.

Аркадий – Борису от 26 сентября 1978:

Здравствуй, Борик!

Завтра уезжаю в Болгарию, было много дела, потому отвечаю с опозданием.

Вот что пишет об этой поездке Аркадия Натановича с женой Еленой Ильиничной в Болгарию 27 сентября – 16 октября 1978 года Ант Скаландис:

«Собственно, если двигаться дальше по хронологии, следующей заметной поездкой на отдых будет Болгария. О ней мы знаем очень немного. В основном от Люси – вдовы безвременно ушедшего в 2006-м Агопа Мелконяна – переводчика и редактора АБС. Ему не было и шестидесяти. Для популяризации АБС в Болгарии он сделал больше, чем кто-нибудь.

Начиналось смешно. АН пишет в начале июня 78-го:

«Были мы у Ревичей, встретились там с одним болгаринном, который оказался еще и армянином. По словам Таньки он специально приехал в Москву на два дня, чтобы повидать хоть одного из

Стругацких. Хороший парень: все время молчал и пялился на меня, я уже стал бояться за свою невинность».

Это и был Агоп. Продолжилось дело стремительным оформлением приглашения и нелепой историей с обменом паспорта. Завершилось – чудесной поездкой.

27 сентября 1978 года АН вдвоем с Еленой Ильиничной уехали с Киевского вокзала в Софию, денег разрешили поменять 450 рублей на левы – это совсем немало по тем временам, а если еще учесть, что их там принимали по-царски... В Софии они жили в гостинице, но потом Агоп и Люси повезли дорогих гостей через всю страну к морю с заездом в древний Пловдив, до главного порта – Бургаса и дальше, в дивно красивое курортное место Несебр, и жили в домах у друзей, и выходили в море на яхте профессионального морского путешественника Мелкона; и познакомились с фантастом Любеном Диловым, которому потом АН помог издаться в Москве. Как, впрочем, и самому Агопу, – он тоже писал фантастические рассказы. И они облазили всю Софию и все побережье, и жутко романтические скалы и всякие развалины, и поклонялись древним храмам, и любовались красотами, и перепробовали десятки вкусных вин во всевозможных погребках и, конечно, знаменитую мастику. Бутылку этой анисовой водки привезли, как водится, с собой, но до Нового года не уберегли, хоть и собирались. Ну, и конечно, были встречи с читателями и почитателями. Переводов на тот момент вышло еще не много, но друзья-болгары, как выяснилось, читали их и на русском. В общем, получилась более чем достойная поездка, и остается лишь гадать, почему АН не только не написал о ней, но как-то даже и не рассказывал никому. 16 октября самолетом они прибыли из Софии во Внуково. Агоп тоже прилетел другим рейсом, на три часа раньше. Советско-болгарские дела завертелись у фантастов основательно».

Борис – Аркадию от 6 июля 1979:

Получил письмо от Георгиева из Болгарии. Зовет на конференцию фантастов. Прислал приглашение. Не поеду.

Борис – Аркадию от 19 июля 1979:

Из Пазарджика прислали первый бюллетень АБС-клуба. НичеГе. Забавно. Впрочем, тебе они, наверное, тоже прислали эту книжечку. Но это, все-таки, поразительно! Крошечный городишко, крошечный клуб – и такие возможности!

/.../

Прислали из Внешпосылторга чеки – 16 рублей. За Болгарию, как я понимаю. У них там на 5 тысяч моих денег, а они шлют эти гроши, гады.

Борис – Аркадию от 30 марта 1980:

Ладно. Из ВААПа я получил два извещения: 1. Болгария, сборник «Синий тайфун», на руки 81.08, 2. США, Франция, зМЛдКС [За миллиард лет до конца света], всего на руки 167.38 (причем это надлежит умножать на 4.55).

Аркадий – Борису от 4 июня 1980:

Новости из-за рубежа:

1. Через Карла Левитина: звонили из Болгарии, там с моей подачи – я переслал ксеру – принялись переводить ПнО [Пикник на обочине] и просят все, что есть еще.

Аркадий – Борису от 30 сентября 1981:

Насели газетчики – из «Сов. России», из Болгарии и даже из ЦО. Приходится стонать, как та дама: «По одному, господа! По одному!» Да еще из радио (на зарубеж).

И это – последнее упоминание Болгарии в переписке братьев. В 1980-е годы братья почти не переписывались, больше разговаривали по телефону.

Покушение

Йоан Владимир (Ангелина Илиева)
перевод: Николай Теллалов

1.

С этой стороны скала заросла мягкой травой. Она вся в утренней росе. Скользкая под моими босыми ногами, а и низ длинной рубахи промок. Одно благо - стражи крепко поддерживали с обеих сторон, потому как собственные ноги меня едва крепили.

Я ковлял вверх по склону неторопливо, даже чуть медленнее чем мог после пребывания в темнице, и вдыхал свежий лесной запах, разносимый ветром. На вершине скалы меня ждали, я избегал туда смотреть. Поворачивал и запрокидывал голову, поедая глазами сине-зеленые холмы Арбанаси и Трапезицы, плещущие в них солнечные струи и бездонное небо – в последний раз...

Шаги мои пресекла плаха. Новая, неокропленная ничьей кровью, нарочно для мена срубили, свежую - сан почтили. Стражи бросили меня на колени и оставили.

Я поднялся с трудом. С другой стороны скалы – обрыв. И там толпится мой народ. Я не слышал ни одного отдельного голоса, лишь срывающиеся, как вздохи, вопли. Всех привели, чтобы видели мое унижение. Мою смерть.

- Покорись, святой отец...

Я обернулся к парню, которого подминул, не успев узнать пару мгновений назад. Буйные черные кудри его прятались под пестрой чалмой. Щеки впалые, в глазах бьется огонь безумия. Стройный стан закутан в грязный плащ с вышитым полумесяцем. Мне кажется говорили, что сейчас его зовут Искендер. Голос его дрожит:

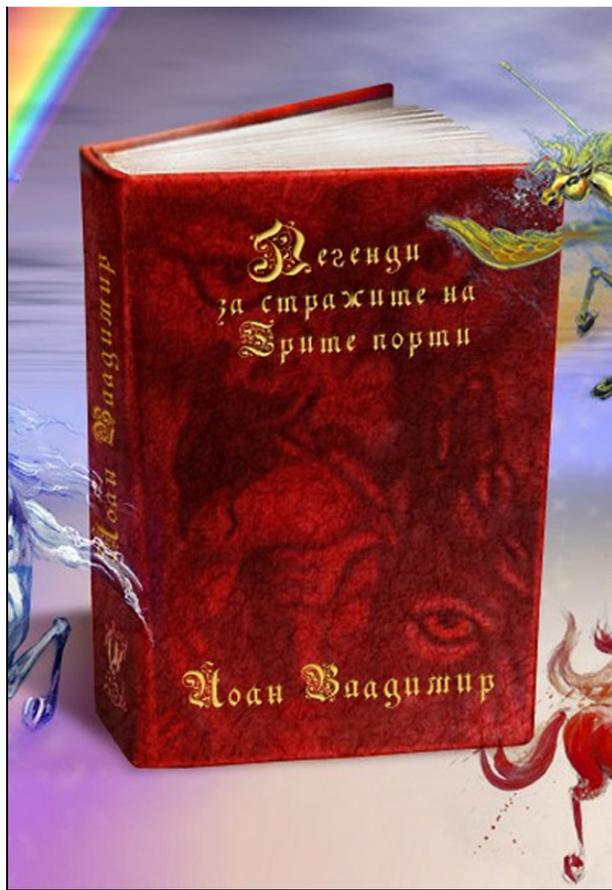
- Покорись, святой отец. И милости у Челеби проси, прощенья...

- Я покорен, пресветлый князь. Покорен государю одному и каждый день молю Его о милости и прощеньи. Все, что станет, будет по воле Его.

- Убьют тебя! И не постесняются же! И тогда зачем все это было? Почему сдали город? Почему примирились? Ты же ведь захотел так – покориться воле Божьей...

- Покориться воле свыше – это одно. А покориться земным хозяевам – другое. Жаль, что не научил тебя видеть разницу, Александр... Уйди прочь. Стыдно на тебя смотреть.

Я снова опустился на колени и сплел пальцы в молитве. Сильно зажмурил глаза, чтобы не видеть слезы того мальчишки, которого любил как сына. Господи, если ты еще слышишь меня, сохрани парня. Не откажи в милости своей и его отцу, по твоей воле царю и самодержцу болгар. Дай силу и упование тем, чьи вопли и плач слышу в сей миг.

Господи, не за себя прошу, мой путь окончен...

Кто-то лает на своем варварском наречии. Грубая рука палача жмет голову к плахе. Из подножия скалы хором кричат от ужаса.

Поднимаю веки и тут же жмурю глаза от блеска поднятого надо мною лезвия...

- Семнадцать тридцать. Рабочий день окончен.

Тихий и журчащий женский голос прервал медитацию и прогнал видение прошлого, нежно притягивая сознание к настоящему.

Яркое освещение над столами в читальном зале погасло, оставляя только парящие прожекторы возле вертящихся стеклянных стелажей с рукописями. Минорная клавирная музыка, брызжущая из динамиков, сменилась игривыми народными напевами. С гулом включились климатизаторы, насыщая воздух ароматом мяты.

А посмотрел на столешницу бюро, на раскрытую передо мной книгу. На левом поле страницы – капли крови из носа. Бывает когда я вхожу в транс. Три маленькие золотистые капли, блестящие словно киноварь. Уже тысячу лет минуло, а никак не привыкну к цвету своей крови. Осторожно впитываю капли рукавом мягкой хлапчатобумажной рубашки. На странице остается лишь немного матового блеску – почти не видно.

Я поднялся и вместо по широким мраморным ступеням к кабинету, направился к одному из эскалаторов на выход. Я опаздывал. Нужно было всего за полчаса добраться до места встречи, а фиесты по улицам наверное меня задержат.

Проходя мимо кабинки привратника, а кивнул, хотя давно уже убедился, что видеть меня от не может. Молодой человек, вероятно ревностный атеист, как всегда глядял сквозь меня с легким удивлением – словно сквозь дуновение ветра.

Я сунул карточку в замок массивных дубовых врат. Через секунду дисплей мигнул: “Евтим: святой: главный библиотекарь Тырновского канского книгохранилища. Спасибо Вам за сегодняшний труд, желаем приятного отдыха!”.

Врата распахнулись, и навстречу будто волшебный водопад хлынул свет уличных феерий. Мне потребовалось пару секунд на то, чтобы преодолеть легкое замешательство, которое овладевало мной всякий раз, когда я выходил на улицу. Потом ступил на плавающий тротуар по направлению к “Самоводской”.

Тротуар был выложен из треугольных плит розового кварца, отлично полированного. Под слоем кристалла в пядь толщиной располагались крохотные прожектора мостового освещения, образующие небесные созвездия. Я взирался себе под ноги, стараясь распознать Орион и Малую медведицу с ребячьим энтузиазмом начинающего звездочета. У драконов-зодчих утонченный вкус к красивому. Я покинул “звездный” тротуар с вздохом сожаления и перешел на следующий, что вел плавно вверх.

Я медленно обогнул центральный городской монумент. Тройната скульптурная композиция во славу змеев-покровителей. Первая изображала житные поля Добруджи. Крупные колосья с янтарными зернами, над ними – аметистовая статуя летящего дракона, который прогоняет бури и град. Вторая из белого мрамора – овечья отара в низинах Фракии, за которой присматривает тщедушный змей-чобан. На третьей три дракона в хороводе мнут виноград, выжимая сладкий сок. Патетично и анахронично – на винокурнях уже века как не появлялся змей...

Тротуар изогнулся горбом и повернул мимо парка-площади “Велчова завера”. Ветерок тихонько шумел в ветвях вековых деревьев. Из-за послеобеденного дождя по плиткам алей кишело дождевыми червями. Я ступал осторожно, чтобы не раздавить кого-нибудь из них. Слава Богу, вокруг все еще было пустынно и тихо, городские веселья только-только зачинались. Над головой порхали птицы, пышные кусты норовили вцепиться в бороду.

Молодая женщина с ярко-красными волосами и с венком из роз корпела над алеей фиалок. Заметив меня, она выпрямилась и одарила ослепительной улыбкой, хотя знакомы мы бегло. Она – дива-хранительница парка. Я никогда не спрашивал ее почему она решила покинуть леса и перебраться в город, но радовался тому, что может видеть меня достаточно отчетливо, что позволяло нам поговорить.

- Привет! – молвила дива своим чарующим голосом.

- Добрый вечер, Алена – ответил я, отвешивая легкий поклон.

Она сорвала несколько цветков, протянулась и украсила ими карман моей рубахи. При этом дива едва доловимо нахмурилась. Я знаю – прикосновение ко мне причиняет ей боль. Дива помахала рукой на прощанье.

С дальнего конца парка показалось шествие ряженых. Кукеры. Молодые мужчины в лохматых костюмах из синтетических шкур. Хохотали и покрикивали нестройным хором, явно уже успели набраться. Прошли мимо, совсем близко, оглушительно гремя бубенцами и колотя в барабаны. Но никто не бросил и беглого взгляда на меня. Окружили Алену и запрыгали возле нее, а она захлопала в ладоши.

Когда я отошел достаточно далеко от самодивы, поспешил выбросить фиалки. Достал из кармана миниатюрную икону. Лик святой смотрел на меня строго и укоризненно, вероятно прикосновение с ведьминым цветком ее разгневал. Она прошептала:

- Опаздываешь, Евтим. Мы в “Хаджи Николи”. Ждем.

Неспроста выбрали улицу “Самоводскую” для встречи. Заповедник был почти полностью сохранен в первоизданном виде, здесь не высились каменные колонны и мраморные площадки для драконьих посадок. Этот район посещали по большей части люди – посмотреть, вспомнить, что когда-то человек сам, в поте лица, заботился о себе.

“Хаджи Николи” находился в подножии холма, в середине торгового майдана. Трехэтажная кирпичная постройка, облокотившаяся на склон. Ворота из кованого железа вели в внутреннему двору, вымощенному обыкновенными речными камнями. Полное созвучие со стилем заповедника. Однако над входом искрила светореклама: “Вино. Змеиное молоко. Молодящие и лечебные снадобья”. Я протиснулся в узкую кабинку лифта. Над кнопками этажей тускло мерцали наводящие надписи: “Люди”, “Витяки”, “Другие”. Я утопил кнопку последнего этажа. Подъем занял точно три секунды.

“Другие” явно не навевались часто – заведение было почти пустым. В середине овального салона булькал и пенился мраморный фонтан. Из серебрянных кранчиков лилось чистое прохладное вино. Возле фонтана на низких столиках рядами стояли нетронутые стаканы. Никого не было видно и у спрятанных за кадками с экзотической растительностью бутербродными и питейными автоматами. На момент мне показалось, что я ошибся местом. А потом заметил на алькове, за самым далеким от лифта столом три неподвижные фигуры. Я подошел к ним.

Обе одетые в белое женщины источали золотистое сияние и тяжелый запах ладана. Петка

Тырновская и Филотия Тырновская. Когда-то, еще при жизни, я потрудился сделать их самыми почитаемыми святыми этого города. Филотия улыбалась мне загадочно и теребила пальцами свои русые волосы. Губы Петки были сжаты в суровый изгиб. Третий в группе кутался в серый плащ с глубоким капюшоном. Я догадывался, что именно он и есть причина внеочередной встречи.

- Прошу прощения за задержку – пробубнил я, только ради того чтобы что-то сказать и занял свободное место за столом.

- Когда-нибудь ты все же прекратишь вязнуть в мирской суете – тут же срезала меня Петка. – Я тебя специально предупредила, как важна встреча.

- Дела...

- Никто не заставляет тебя выучить себя делами. Никто никого не заставляет работать или вообще что-то делать. Мог бы и сегодня не заниматься... делами. Да и к чему тебе? Не ешь, не пьешь. Таскаешься только ради своих книг проклятых. Ты в плену своих страстишек, Евтим.

Я вздохнул.

- Ну, я уже здесь. Что там у вас за важность?

По тонким губам Петки мелькнуло нечто подобное улыбке.

- Важность такая, что мы уже в состоянии *это* сделать.

- Что именно?

- То *самое*!

Терпение – добродетель. Лучше подождать объяснений, чем и дальше задавать идиотские вопросы. Святая же молчала пока не поняла, что я все еще не взял в толк о чем речь. Тогда она подалась вперед, надвисая над столом, усмешка ее стала почти различимой, а в глазах блеснуло ликование:

- Покушение, Евтим.

- На этот раз успеем, у нас план – добавила Филотия.

Я рассмеялся. Горько. Ведь напоследок только с этими двумя святыми я мог изредка общаться. Мой дорогой друг и любимый учитель Теодосий уехал из Тырново неизвестно куда около двух столетий назад. Мне не хватало его. А в подобных ситуациях – еще ощутимее, больнее.

- Когда насрочена твоя следующая аудиенция, Евтим?

- Завтра утром. Как обычно.

- Ага! – проворчала многозначительно Петка и ударила кулачком по столешнице.

- И каков ваш план на этот раз? Облить ее святой водой, что ли?

- О, нет. На этот раз у нас не просто грезы да мечты. Сейчас мы уже правда подготовились убить ее.

- Зачем вам ее убивать? – спросил я устало.

- Ты что! Забыл кто такой? Не узнаю тебя напоследок! Дрожишь как бы не лишили тебя твоих драгоценных книжек! Поддаешься низменным страстям и увлечениям. Берегись! Ты уже начал

общаться с нечистью. Я видела как тебе та ведьма глазки строит...

- Перестань.

- Гостя испугаешь, сестрица – вмешалась, поворачивая ладонь Филотия.

Петка умолкла. Я почти позабыл о присутствии незнакомца. Он не шевелился. Даже не показал ничем, что следит наш разговор.

Обе женщины повернулись к нему. Во взгляде Филотии я прочел немое обожание. Петка смежила веки и поклонилась, прошепнув:

- Прости, пресветлый... Покажись ему, пусть увидит кто ты.

Тот выпрямился. То же самое сделал и я, будто движение его невольно увлекло меня. Из-под серого плаща показалась рука в перчатке из чистого золота, затем одним движением откинула капюшон.

Я допускал, что он кто-то из нас. В известной степени меня подготовило обращение “пресветлый”. Я знал, что Дмитрий Белый никогда не покидает Солун, известно также, что и Тудор Черный редко выходит днем. Я бы узнал и Илию Красного по огненному следу...

Но нет. Не ожидал именно *Его*. Сияние синих глаз оттолкнуло меня и словно ударной волной бросило в транс.

...Я зажмурил глаза от блеска поднятого надо мною лезвия. Себя ощущал спокойным и легким, не думал, не испытывал тоски. Одно лишь желание жило во мне – чтобы меня зарубили разом, одним ударом.

Лезвие вспыхнуло, будто солнце внезапно глянуло из-за туч. А потом... затрубил боевой рог – странный, короткий звук и отдающее далекое эхо, словно одинокий звон церковного колокола.

С чистого прозрачного неба сходил вниз всадник. Объятый светом, широко размахивал крыльями его золотой скакун, а ездок тряс русыми кудрями и дул в золотой рог. Лицо его блистало неземной красотой. Блестела ослепительно золотая броня витязя.

Пролетел низко и пронзил тонким своим копьем плечо палача. Ятаган бусурмана с острым лязгом стукнулся о камни, покотился вниз по скале. Затем всадник взмыл обратно и двумя мощными взмахами крыльев коня скрылся за ближней грядой.

Наверное никто кроме меня не узрел золотого Георгия. Все видели лишь окаменевшую руку палача...

Я пошатнулся и прижал ладонь к носу. Из моих ноздрей капала кровь.

2.

- “Выбор – это тонкая граница, отделяющая дух от разума. Дух существует сам по себе. Разум существует посредством непрерывного выбора.

Разум, шаг за шагом, проходит путь выбора, дабы доказать себя, что есть таков...”

“Я все еще не понимаю – прожурчал в моих мыслях звонкий, почти детский голосок. – Почему же вы, люди, считаете дух чистым и священным, а разум – грешным?”

Я оторвал взгляд от книги.

- Святость духа именно в его невозможности выбирать. Дух изначален и бесконечен. Разум же, конечно, допускает ошибки. Высший разум стремится следовать долг духа. Вот, послушай дальше: “С рождением дух принимает оковы разума, и выбор родиться есть первый грех души, а смерть – последний выбор разума...”

“Ты не прошел через сей выбор...”

- Нет, не прошел. Моя душа покинула плоть, но все еще не освободилась от разума. И от права на выбор.

“По твоему разумению, у меня нет души. Лишь разум да плоть. Значит ли сие, что каждый выбор мой есть по сути грех?”

- Как раз наоборот, великая. Ты лишена души, которую разум и плоть могли бы осквернить грехом. А это значит, что всякий твой выбор праведен.

“Сие абсурдно, Евтим. Что же я такое согласно твоей догме тогда – демон или святая?”

- Ни то, ни другое. Для моей догмы ты просто не существуешь, великая Шар...

“Ты видишь меня. Слышишь меня. Чего стоит твоя догма перед лицом правды, Евтим?”

Что я и пытаюсь объяснять каждое утро...

Шар-Кан полулежала на самой верхней площадке в Храме тырновской Резиденции. Ее изящные, пронзенные светом крылья были сложены складками на спине, чешуя сверкала всеми красками радуги, отражая языки десятков костров, горящих в Храме. Одна ее вытянутая голова поднималась высоко и взирала на меня рубиновыми глазами, вторая покачивалась задумчиво и ритмично на тонкой змеиной шее, а третья пряталась под огромным туловищем и как будто дремала. И настолько прекрасно и величественно выглядела эта шар-верени, дитя солнца и мать драконов, что смотреть на нее было больно до слез...

Ее голос, который мягко проникал в мои мысли, иногда звенел радостно, как колокольчик, порой же журчал нежно или шелестел словно убаюкивая, будто она хотела приласкать меня. Я понимаю ее. Роль пчелы-матки драконов обрекала ее быть узницей Храма. Она провела несчетное количество дней и ночей, месяцев, лет, веков в городской Резиденции, пока драконы из ее улья перестраивали Тырново в рай поднебесный. Лишь раз в год, в день летнего солнцестояния, ей позволяли расправить крылья и полетать. Тогда по всему городу вспыхивали костры, все выходило на улицу и толпились, радуясь ее полету, а она долго и одиноко кружила среди облаков...

“Почитай мне еще о душе” – попросила Шар.

Я стоял на коленях под ее площадкой и свозь ресницы следил за строчками книги.

- “Сущность и неизменная цель духа есть единение с Создателем. Когда душа покидает плоть и освобождается от разума, она возвращается к своему первоисточнику. Возвращается измененной...”

“Тогда твой Бог такой же как я. Души стремятся к нему так же, как и мои чада, драконы, нуждаются во мне... Разве есть разница?”

- “Если изменения слишком велики вследствие ошибочного выбора разума, Создатель может отвергнуть данную душу. Очищение духа путем раскаяния есть возможный выбор разума, но сей выбор должен осуществиться вовремя – пока разум и дух связаны.”

“Я никогда не отвергаю своих детей! Они свободны поступать как велит им разум, делать то, что считают правильным!”

- Потому что разум свободен выбирать. Душа же – нет.

“Люди давно забыли твоего Бога. Они оставили веру и превратили знание в религию. Сами выбрали свободу разума догмам души. Приняли покровительство драконов, а мы построили для них рай земной. И что же произошло с их душами, Евтим?”

Я медленно закрыл книгу.

- Не знаю, великая.

Я стоял на коленях, понурив голову на грудь. И чувствовал себя столь крохотным и жалким, словно догорающая свеча среди блеска костров вокруг.

“Не горюй, Евтим. Люди счастливы теперь.”

- Я могу уже идти?

“Да. Спасибо за беседу. Приходи и завтра поговорить со мной. Буду ждать.”

Я выпрямился. Двое дюжих витяков из охраны приблизились. Один из них взмахнул рукой и накрыл меня плотным пледом, сплетенным из ароматных лекарственных трав. Ведьминых трав. Меня всегда так приводили и уводили от Нее. Травы нарочно подобраны так, чтобы мешать свержающим глазам и ушам моим. Великую Шар защищают и берегут зорко. Стражи слегка сдавили меня с обеих сторон.

- Книга! Я забыл свою книгу!

Витяк слева отошел, чтобы исполнить мою просьбу и подобрать книгу. Отлучился на пару секунд, но этого было достаточно. Я впил зубы в запястье левой руки, прямо в золотистые вены. Бледная с блестками струйка стекла по ладони и закапала на пол. В тот же миг страж сунул под покрывало книгу. Затем меня повели.

Под ногами сначала промелькнули чередой широкие ступени из розового мрамора. Потом – гладкая бело-зеленая мозаика, дальше – прямо вперед и полуповорот вправо. Мы вышли на белую площадку с множеством эскалаторов. С этого мига я потерялся. Каждый раз меня вели по новой плавающей лестнице, переходили на другую,

мы носились вверх и вниз; каждый раз на эти передвижения уходили разные отрезки времени. В конце концов я оказывался у огромной каменной арки в подножии Царевца. Стражи снимали плед, кивали на прощание и удалялись в разные стороны.

Так поизошло и сейчас. Витяки кивнули и ушли. Я остался.

Остался и поднял глаза на место, которое когда-то являлось моим домом. Трехметровая каменная стена опоясывала весь холм. Над ней возвышались шпили с вечно горящими днем и ночью на вершинах кострами. Верхушки мраморных зданий со стеклянными куполами отражали небо, солнечный свет и плещущееся пламя на шпильях – весь Царевец словно горел.

Едва шагнув на плитки тротуара, едва не столкнулся с внезапно возникшей чуть ли не из пустоты фигурой человека в плаще и с надвинутым на лицо капюшоном. Однако голос из-под ткани прозвучал ясно и чисто. Рука сжимала длинный посох, обвязанный тряпьем.

- Ты отметил путь как было поручено?

- Да, пресветлый.

- Только эти двое тебя вели или были еще стражи?

- Сегодня – нет. Я редко застаю драконов в ее покоях. Но она может говорить им издали мыслью своей. Может позвать их и они слетятся за миг.

- Я не драконов боюсь, а витяков опасуюсь.

- Драконы тоже видят нас. Столь же отчетливо, как и мы их...

- Пусть. Я истребил сотни их.

- Знаю, Змеборец.

- Следуй за мной.

Днем город сонен и пуст. По улицам гудя помуравьиному ползли машины-дворники. Мыли и драили тротуар, оставляя за собой легкий запах розовой воды. Порожние прогулочные минипоезда шаптали бесцельно туда-сюда.

Проходя мимо ярких колон драконьих посадочных платформ, я поднимал голову. Обычно крылатые работали далеко вне города и редко можно было заметить кого-либо посреди бела дня. Мне удалось увидеть парочку – один змей с нежно-синими крыльями сидел на краю самой высокой над Трапезицей площадки, а другой, искряще зеленый великан, кружил над собратом и что-то ему рассказывал.

Мой спутник направился к “Самоводской”. Тротуар двигался медленно, я успевал вдоволь заглядывать в окна мастерских. Прямо по направлению движения, всего в нескольких шагах, красовалось радующее глаз резное пано. Настоящий орех. Изображение напоминало женскую голову. Волосы сплетались с лозой с налитыми гроздьями винограда. Глаза – тонко выделанные птичьи гнезда, распростерты крылья над ними – брови. С одной скулы к подбородку стекал водопад, в

заводы плавали две лодки – губы. Другая щека походила на звездное небо, но вместо звезд густели миниатюрные модели атома. Словно кто-то сумел придать образ первичному хаосу. В нижнем правом углу угадывались буквы: “Я та, которая рождает”...

Легкий толчок в плечо и мой проводник юркнул вглубь соседней мастерской. Я последовал за ним. Мне приходится часто проходить мимо мастерских и я знаком со всеми художниками здесь, хотя и никто из них не может меня видеть. Поэтому я тут же заметил перемену в этой мастерской. Исчезли изящные изделия из бронзы и меди, не было и орнаментных чеканок по стенам. Везде – чисто и бело, заполнено светом. Не сразу я осознал, что свет не идет из окон, а струится от кузнеца. Очень молодого, прямо-таки юного, с детским мягким лицом. Перед ним, на рабочем столе из стали, лежал открытый сундучок с инструментами.

Я узнал юношу когда он согнулся в до пояса, кланяясь моему спутнику и лишь затем несмело обратил взор на меня. Георгий Софийский, новый святой. Золотых дел мастер.

- Добро пожаловал в престольный град, брат мой.

Неясно почему от воспринял мое приветствие как упрек и бросил вороватый взгляд на своего великого тезку:

- Он меня позвал...

Змеборец с капюшоном же сдирал тряпье с посоха. Это был не посох. Золотое копьё пресветлого Георгия. Погнутое, покореженное, с обломанным конечником. Пережившее слишком много сражений.

- Ни один земной ювелир не может его починить – медленно изрек наконец владелец оружия. – Но ты, юный брат наш, перекуешь его на меч!

Юноша покорно кивнул.

- А я... зачем здесь? – спросил я.

Зловеще пустой проем под капюшоном резко повернулся ко мне:

- Разве получится копьё расплавить да крепкий меч справить из золота без молитвы праведной? Ты сейчас тот же кузнец и вплетешь истинное слово в мой меч. Молись, Евтим!

...Я вершу молитву. Молюсь. Не помню уже который день. Я как бы вне времени. Сам.

Ученики похватили булат и вышли на стены крепости – драться. Я молюсь и за них. В книгарне остались неоконченные рукописи. Белые, пустые страницы, гротескные и печальные. Необлитые чернилами, они похожи на сухую неоплодотворенную дождем ниву. Мои ученики выбрали облить своей кровью стены Тырнова-города. Праведен ли этот их выбор? Не знаю. Кровь или слово – что дает больше плодов? Я вершу молитву.

Чаще всего молюсь в лазарете. На топчанах или прямо на голом полу лежат изувеченные

люди. Я шепчу каждому из них молитву и даю благословение. А они проклинают. Если при себе, если в сознании – плачут, воют и проклинают страшно и некрасиво. Редко кто протягивает руку или обрубок таковой и лихорадочными устами касается рясы. И тогда уже я тот кто плачет.

Брожу по Царевцу. Люди попрятались по домам, наглухо закрыли двери и ставни на окнах – будто это ветром несет зло будто пепел. Я шагаю по улицам и слушаю далекий визг и рокот сражений. Моя молитва составлена из одного лишь слова, я повторяю его на каждом шагу: “господи, господи, господи”...

Вечером все стихает. Тогда я молюсь в своих покоях. Молюсь горестно, часы напролет. Иногда со стороны вражьего стана под крепостью доносятся протяжные песни имамов. И они молятся. И я спрашиваю себя: их или меня слышит Бог?

3.

Когда я добрался до окраины города, где жил, ночь уже наступала давно и увеселения хлестали через край. На моей улице разыгрывали ритуал “венчание змея”. Десяток нарядных, в цветах, девушек хлопали в ладоши и пели. Среди них гордо красовалась в роскошном алом платье и окутанная в красных шелках счастливая “невеста”. Над ними реял огромный, густо багровый дракон, выписывая фигуры свадебного танца, в ожидании момента, когда должен был “украсть” нареченную. Толпа вокруг дюдюкала, смеялась и тост за тостом лила вино – в горло, на одежду, на соседей, на землю...

Я заметил старуху кротко прикорнувшую возле молодого семейства с младенцем. Оба взрослых смотрели свозь нее. Ребенок однако пялил большущие глазки прямо ей в лицо.

Она действительно выглядела странно. Платок на голове развязался и концы свисали на сутулые плечи. Ладони она прятала под пестрым, заботливо заштопанным передником. На ногах – толстые шерстяные чулки да вязанные тапочки. Бабушка как тысячи других. Она покачивалась легонько и говорила ребенку:

- ... только для любви, малыш. Ничего боле человеку не надобно. Только пусть полнится душенька твоя любовью и радостью. Ты, малыш, маму и папу люби, уважай... Они тебя родили. Бедных и сироток люби. Их некому боле любить. Люби и бродяг бездомных, таких как я, ибо к добру они тебя встречают...

Малыш мигал непонимающе, но слушал. Я подошел и осторожно коснулся ее плеча:

- Где тебя опять носило, мать...

Она повернула ко мне свои сияющие, выцветевшие от возраста глаза. По мелким

морщинкам на ее лице отразилась радость. Улыбка, которой она меня одарила, была полуприветливой, полупечальной, неразгадаемой.

- Так как так где, сын. Среди людей-человеков. Видишь – ладно им, веселятся... Захотелось и мне на них поглядеть да посмотреть. Ты не гневайся за это, сын...

Вот точно так же когда-то я набрел на нее и приютил у себя в доме. Места хватало. В маленьком жилище я нуждался лишь как месте где уединиться, мне не нужны ни сон, ни отдых. А она была тихая, как тень, даже еще тише. Днем часто выходила и скиталась неизвестно где. Иногда забывала вернуться и мне приходилось целыми ночами обхаживать шумные улицы и искать ее. Я сильно, почти болезненно привязался к ней.

И сейчас поспешил нежно обнять ее за плечи и повести домой. Возле крыльца валялся пьяный до одурения мужик. Я перешагнул через безчувственное тело и начал подниматься по лестнице, но бабушка отстранилась от меня и склонилась над пьяным. Посмотрела, помогла сесть и заботливо утерла передником облеванную бороду. Мужик гневно зарычал, что его беспокоят. Я потянул ее за собой:

- Береги свою милость для тех, что могут оценить ее, мать.

- А! Так разве ж то милость тогда...

- Не видишь, он освинел от пьянства.

- Пусть. Но ведь душу носит, горемыка.

И продолжила ласковыми руками гладить его лицо, свалывшиеся волосы. Тупое выражение досады на лице пьяного медленно сменилось блаженной улыбкой, осоловевшие глаза прояснились, дыхание успокоилось. Ему удалось подняться на ноги и, не обращая на нас внимания, он заковылял прочь.

- Когда человек столько пьет, с горя это. Тоску залить хочет – прошептала ему вслед бабушка.

- Да ну! Пьют со скуки и безделья.

- А то разве не горе тоже? Долго ты жил, а людей-человеков еще не знаешь, сын...

Я не стал возражать.

Мы поднялись по лестнице до моих комнатушек. Я отпер дверь со смутным предчувствием, что что-то не так. Дверь от вестибюля к гостинной оказалась полуоткрытой и через нее крадучись влетали дрожащие отблески уличной феерии – я всегда оставлял окна незанавешенными. Мы шагнули в полумрак.

Бабушка первая почувствовала чужое присутствие и тихо ойкнула как мышка в когтях кошки, прижав ладони к груди. Я толкнул дверь и от неожиданности поднял руку.

- Не смей креститься! – приказал хриплый голос из темноты.

Крестное знамение осталось незавершенным, рука моя продолжила движение по направлению во включателю.

Мы стояли на пороге и смотрели на незванного гостя, свойски расположившегося в одном из моих

кресел. Ворвавшийся не смутился, а откинулся назад и закинул ногу на ногу. Не сказав ни слова, бабушка повернулась и мелкими шажками шмыгнула в другую комнату.

- Ты здесь без приглашения, Баян – прошипел я. – Надо предупредить. Лишь затем пожаловать. Не добро, конечно. Зачем пугаешь нас?

- Что за мусор, который не вселяет страх? – ухмыльнулся елейно тот.

Словечко “мусор” ничего не значило по отношению к нему. Слишком безликое определение. Баян стоял очень высоко в иерархии витяков и даже некоторые драконы его опасались.

- Кто такая? – спросил колдун, красноречиво кивая в сторону соседней комнаты.

- Что за мусор, который не знает кто такая? – огрызнулся я в свою очередь.

- Вас и так немного. Моим ребятам все легче и легче следить за вами. Но эту – не знаю. Как-то пропустил осведомиться. Имя? Святая... кто?

- Скажем – Мария.

Колдун откинул голову и разразился громким смехом.

- У вас Мария не одна и не две, даже не один десяток! Ладно. Разберусь. Ну? Поднеси чарку гостю...

- Ты знаешь, не пью. Но не стесняйся – вон винопровод, наливай, ежели не заржавело.

- Тьфу! Эта дрянь - для черни. Где твои благородные манеры, Евтим!

- А ты бы предупредил, что наведаешься. Я бы тогда и манеры вспомнил и твой изысканный вкус бы был готов удовлетворить – сухо ответил я и устроился в кресле напротив.

Даже у себя дома я чувствовал себя неловко и неуютно в присутствии колдуна. Незванный гость хуже... хуже некого. Особенно этот. Всем своим существом я ощущал обволакивающую Баяна темную ауру. Он стар, старше даже меня, и кокон змейского проклятья около него плотнее и гуще чем вокруг любого витяка, встреченного мною. Как витяк, он был мой антипод, как колдун-колобр – хранитель клятв, - мой враг. И вдобавок – именно ему я напрямую обязан за все свои привилегии, то бишь книги, спокойствие и доступ в Резиденцию.

Ненавижу его.

- Не ярись – изрек Баян с кривой усмешкой и погладил пальцем горбинку на носу. – Признаю, что мне тоже очень любо встретиться с тобой. Полная взаимность.

- Зачем пришел тогда?

- Служба.

За стеной послышалось тихое молитвенное пение бабушки. Колдун видимо содрогнулся при этих звуках. Я встал закрыть дверь.

- Выясню кто такая... – сказал он будто про себя.

Я сел обратно. Он сплел руки и подался вперед, упирая взгляд остро блестящих черных глаз мне в

лицо. Меня слеза прошибла, но я выдержал.

- Вот так, Евтим. Странные вести до меня дошли. Мол бродит из Тырново особо опасная личность...

- Разве для тебя есть безопасные?

- Не опасен мне. Угрожает хозяевам моим. Особенно – Великой.

- Тогда смотрите за ней старательнее.

- Глядим. Но неприятностей - не хочу, понял? Я за тебя в ответе раз, когда предложил тебя на пост библиотекаря. Два, когда позволил встречаться с Великой Шар. И если после всего этого ты меня предашь... не знаю пока каким образом, но найду способ... и уничтожу тебя.

- А если мне уже до лампочки, Баян?

На этот раз он смеялся долго – холодно, громко, грозно и неприятно, пока по щекам не потекли мутные слезинки. Наконец угомонился и замахал руками:

- Ладно, ладно... допустим. Только допустим, что тот... прекрасно знаешь кого имею ввиду, успеет пробраться в Резиденцию и убьет Шар. Драконы покинут Тырново. Дашь себе отчет чем сие чревато для города?

- Город останется людям.

- Именно! Так точно. Жалкое быдло, избалованные выродки – все будут предоставлены самим себе. Но нет, нетушки, они не станут работать, ни-ни. Они давно отучились это делать, забыли что такое заботиться о себе. Я спорю на что хочешь, что через неделю все с ума сойдут от страха, разворуют и опустошат город, а затем начнут жрать друг друга. Ты этого хочешь для *своего народа*, Евтим?

- Все в руках Божьих – прошептал я в ответ.

Он подскочил. Торопливо начертал перстом семиконечную звезду – целясь мне в сердце. Я скорчился от боли в груди.

- Ты жалок! – завопил колдун и задержал палец в самом болезненном для меня положении. Мое сознание заволокло туманом. – Жалкок и труслив, как всегда! А твой народ – стадо, как никогда прежде! Кто верит сейчас в твоего Бога? И кто вообще тебя, жалкого пастуха помнит!

Я застонал и Баян сжал свои дрожащие пальцы в кулак. Медленно сел назад в кресло.

- Извини.

Я слегка покачал головой.

- Слушай, Евтим... Мы давно знакомы. Очень давно. И кажется все, что делало нас врагами, уже пустое, уже не имеет значения. Суета сует.

- Чего ты хочешь?

- Напугать тебя хотел, да. Кажется, забыл каков ты. Твое имя... твоя слава... они всегда были больше самого тебя, больше твоих заслуг. Ты слаб. Ты книжная крыса, вот и все. Тебя все забыли.

- Мое имя высечено на фасаде здания, где я работаю – глупо вставил я.

- Да. За душу берет, очень мило. А сколько людей из *твоего народа* еще умеют читать? А из тех, что потрудились грамоту выучить –

сколько же потянулись к книгам? Знание убило веру... Информация убила знание. Стремление к развлечениям убило необходимость в информации. А беззаботность убила все необходимости и порывы. Сколько революций мы видели вместе, Евтим! Мир менялся у нас на глазах. Мы должны были подружиться. Вообще-то я верю, что мы с тобой друзья.

- Что ты хочешь мне сказать!

- Знаешь, Шар Кан тебя ценит. Понятия не имею почему. Наверное ей нравится та ерунда, которую ты ей читаешь.

- Шар желает понять людей.

- Ну это разве не смешно? Единственное мыслящее существо в этом городе, единственное, которое хочет тебя понять, и оно согласно твоим догмам – суть воплощение зла! Сдохнуть со смеху можно... А ты коспирацию развеял против нее. Как это по-человечески, слишком по-человечески, даже я сам не могу понять смысла.

- Скажи, Баян...

- Ех, ты... Оставь меня поболтать! Знаешь как мало вокруг меня стоящих собеседников, с кем я мог бы вот так разговаривать? Пожалуй, надо почаще встречаться... Так вот, думаю я, Евтим, что мы с тобой больше не враги. Незачем быть врагами. Мы совсем другие, не чета всей той своре. Бьдло, оно быдло – и “твой”, и “мой”.

- Согласен. Мы с тобой иные.

- Вот! И мне будет очень жаль, смертельно жаль, если придется за тобой гоняться. Если будет надо – я тебя выброшу из этого города. Пущу по миру, как ты меня когда-то, помнишь, нет? Или же – упаси меня *Господи!* – придется зарезать тебя лично и умыть твоей кровью все подходы к Резиденции. Так твоя дорожка из кровавых капель во дворце не будет видна!

- Говори за чем пришел и уходи прочь отсюда!

- Скажу, конечно. Пришел же ведь, да. Ты что, нас за дурней принимал, пока дорожку кропил? За слепых? Ничто не смогло вытравить проклятые капли. По сему, завтра мы с тобой прогуляемся по Царевцу. И наделаем множество дорожек. И потом к каждой я лично приставлю охрану. Оцени мою откровенность! Я ведь честен перед тобой сполна... друг!

- Честен.

- Вот, наконец-то пришли к пониманию.

...Созерцание при вечерне прервано едва доловимым шорохом шагов за спиной. Резко выпрямляюсь.

- Не смей креститься!

Я даже не и не подумал креститься. Я скован изумлением видеть его опять здесь, в моих покаях. Именно его, язычника и антихриста, называемого Колдуном-колобром. Я встречался с ним всего лишь один раз, давно, во время публичного суда над еретиками. Но запомнил. Такого не забудешь. Кто

его хоть раз видел – не забудет.

- Как ты сюда вошел? – спрашиваю гневно.

В ответ – улыбка. На суде про него сказали, что умеет становиться невидимым, носиться по воздуху и проходить сквозь стены. А еще твердили, что оборотень – превращается в медведя, в волка, в любую бессловесную тварь. Говорили, что родом он из старых языческих царей. Ничему из всего сказанного я не поверил. И поэтому – помиловал.

- Молишься, поп? – ехидно засмеялся он. С той же самой прежней наглостью, с которой отвечал на суде. Неприкаянный сумашедший.

- Да, молюсь. Тяжелая пора настала для города – ответил я, гневясь за то, что пал так низко, что разговариваю с ним, а не кличу стражу.

- Ну, ну, ну. Как же не быть тяжко, государь-то в Никополь сбежал, а пастыр закрылся в часовне и бубнит молитвы...

- Город держится и держится с честью! – крикнул я и шагнул яростно к нему. – Чего ты хочешь? Зачем пришел?

И тут же встал я и застыл на месте. Ибо из-под темного плаща Колдун выхватил меч. И не железный. Из темного прозрачного хрусталя выделанный. Острые грани оружия сверкали при свете свечей и лампад. Я онемел. А тот заговорил медленно и тихо, хотя показалось мне – слова его грохочут в покаях и сотрясают весь царский дворец. И пока говорил, Колдун держал меч прямым, пред самым своим лицом:

- Зовут меня Колобром. На старом языке сие значит – Хранитель клятв. Пришел я одну из них исполнить. Старую клятву. Клятву драконов! Крылатые дали ее еще самым древним нашим царям. Дали слово беречь наш народ. Защищать и помогать. С незапамятных времен драконы свое слово держали. Пока люди их не прогнали. Ты прогнал. Вы прогнали. Люди забыли солнечного змея и позвали другото хозяина. Отреклись от блага на земле во имя обманного спасения души.

- Замолчи!

- Город сей стар. Первый камень в него змеем положен. Драконы это знают и помнят. Им больно за этот город.

Лезвие-кристалл коснулось его лица. Затем колдун протянул его мне:

- К тебе я пришел как к самому главному сейчас среди людей. Возьми меч. Ударь им в набат. Закрой церкви и потуши в них лампы. Убери кресты, что портят купола этого города. И отправь кукуров по холмам. Сильных кукуров...

- Безумец...

- Ты безумен будешь, если откажешь помощь драконов пронять. Сожги в кострах иконы и кресты. Позови драконов и от бусурманов за стенами мокрого места не останется! Возьми меч!

- Убирайся! Стража!...

- На кого ты надеешься, поп? Где твой Бог? Он

тебе не поможет. Бог никому не помогал.

- Анафема, анафема, анафема!

- Дурак – рука с мечом опустилась. – Тебе решать. Я же свое дело сделал.

Когда стража ворвалась в часовню, колдун неприятно захохотал и растворился в воздухе. Будто был ночным кошмаром...

4.

- Предал ты меня уже, батюшка Евтим, не так ли? По глазам вижу.

- Не то видишь. Они же – видят. Нашу кровь увидели.

- Ведомо мне.

- Заставили окропить весь Царевец. Везде там засады.

- Зело добро есть.

- Не разумнее ли отказаться?

Из-под капюшона раздался сдавленный грудной смех.

Я знал где его успею найти. Даже чудно – как так витяки не догадались обложить это место. Маленькая церквушка когда-то носила его имя – храм Святого Георгия Победоносца. Сейчас она служила каменной беседкой с видом на бурлящие воды Янтры. Кресты с куполов давно сняты, одна из стен – обрушена, а остальные густо обросли плющом. В глубине стояло несколько скамеек кованого железа. Внутри механические дворники не добирались и пол был завален глудами пластмасовой тары и фольгой от оберток. Там, где некогда находился алтарь, сейчас на кучке мусора возлежала беспризорная кошка. Она видела нас, но только лениво вытягивала лапки, не покидая своего облюбованного логова, но на всякий случай не выпуская нас из взгляда полуприкрытых глаз.

- Сыздавна так было. Они следят за нами, мы за ними. Знаем кто на что горазд. И ты должен был бы знать, Евтим. Так что – не мели чепухи.

- Выходит, дорожка кровью – блеф?

- Разумеется. Чем больше витяков в засадах на холме, тем меньше стражей возле Шар. Так элементарно, что не верится даже, что клюнули на такой крючок.

- Как ты думаешь проникнуть во дворец?

- А как ты думаешь – тебе стоит доверять?

- Оскорбляешь, пресветлый...

Он расшевелился, поднял руки и откинул капюшон. Его сияющие голубые глаза уставились в ясное небо.

- Ночью над Царевцом будет гроза. Илия обещал подсобить. Адовым исчадиям туго придется.

- Ты и его позвал?

- Мало нас стало, надо друга дружку крепить. Я ему помогал в Пловдиве. Дрались плечом к плечу.

Я поежился.

- Да – спокойно кивнул он. – В Пловдиве мы провалились. Не беспокойся. Здесь уж не

провороним. Всякий учится на своих ошибках. Даже я.

Я не верил своим ушам. Что же, пловдивский апокалипсис четыре года назад – это по его словам “провал”? Как невинно сказано. Там буря и пожарища свирепствовали месяцами. В конце концов мать-верени города погибла. Но и города не стало.

- Не смей судить меня, Евтим – прошипел он, будто мысли прочел. – Вспомни Содом и Гоморру. Их Бог покарал! А в Пловдиве я-то хоть людей пощадил. А надо было?!

- А не надо ли было?

- Ты скажи! Ты отец, ты пастырь, твое стадо! Оглянись и скажи! Они чем-либо другим заняты, кроме как пьянством и развратом? Содом благочестивое место в сравнении с твоим городом.

- Ты прав, я не должен тебя судить – ответил я сухо. – Никому из нас не дано судить.

Он скованно выпрямился и надвис надо мной. Черты его красивого юношеского лица исказились яростью:

- Я – воин во Христе, отец Евтимий! – задыхаясь изрек он, чеканя каждое слово. – Твой долг в заботе о спасении душ. Мой – убивать.

Я смотрел в блестящие глаза, на которые спадали золотистые кудри волос, смотрел на красивое белое лицо и на ореол лучистого света вокруг головы. И осознавал, что ненавижу его.

...Боже, самодержець мира. Обречен Тырноград. Нам не продержаться. Еще один приступ противника – и нам конец. Бойцов нет более... Чем прогневали мы Тебя, Господи, за что отказал ты нам в помощи своей? Почему Ты отвернул свой лик от нас и не внимлеш молитвам благочестивых мирян? Мессы и вечерни, все мольбы, отправленные к Тебе – мало ли их? Разве не во славу Тебе построили Святогорский храм в Тырново? Разве на нечистом месте стоит город наш, престольница царей и патриархов? Если воля твоя испытать нас, сколько же еще страданий надо вытерпеть? Ежели за грехи нас караешь, как когда чуму на нас наслал, зачем детей наказываешь да мучишь, невинные же души, в чем они-то согрешили?!

Бусурманы исмаильтянской веры грозят город по камешку раскинуть, а все нас – зарезать, если не покоримся. Первенцы города моего слова ждут. А я не знаю как поступить. Город ли сдать иноверцам или людей своих на погибель бросить. Кто же Тебе мил более, Господи – город ли, люди ли...

Грешен я, Боже, страх испытываю. Если крепость падет в бою, на меня падет грех крови невинно убиенных, за то что не уберег их от заклания. Если сдам город, опустеет престол и ляжет на меня бремя последнего пастыря. Который грех Ты мне простишь легче? Который из них я себе смогу простить?

...Скитаюсь бесцельно по улицам до заката и прикидываю откуда лучше наблюдать за небом над Царевцом в эту ночь.

Уже в сумерках я взобрался на прогулочный минипоезд, что катилось наверх, к Арбанаси. И здесь, среди роскошных коттеджей и дач, как птицы севших на склонах холма, увеселения бурлили тоже круглосуточно, но на улицах было чуточку спокойнее чем в центре города. Я выбрал тихую аллею с каштанами и прямой видимостью на юго-запад.

Едва вечер стал подкрадываться к городу и поблек дневной свет, блеснули яркие фонари уличного освещения, а над Трапезицей взметнулись фейерверки, дающие сигнал к началу ночной фиесты. Со стороны ближайшей виллы грянула джазовая музыка, но быстро утихла. На соседней скамейке устроилась влюбленная пара, прижались друг к другу и глухо заворковали. Я смотрел на юг и терпеливо ждал.

Я следил за каждым нюансом или тенью по небу, насколько вообще было возможно это сделать из-за блеска города. Буря привалила с юга и вопреки всем моим стараниям успела застать меня врасполх.

Первая молния сверкнула и погасла как раз над патриаршией. Грома не последовало. Ничего не последовало, словно некто всего лишь проверял бдительность врага. Около десяти минут небо оставалось спокойным, в воздухе даже не пахло дождем.

Следующая молния промелькнула за доли секунды и упала где-то в подножии холма. Электричество в восточной части Царевца мигнуло и отключилось. Тут же новая молния разнесла главные ворота. Я предположил, что при этом вырубилась аппаратура наблюдения, потому как под стеной на короткое время разразилась паника.

По восточному склону заработало аварийное освещение и я ясно увидел взлетающего красивого синего змея. Дракон расправил крылья и поднял руки, пытаясь прогнать грозовые тучи. Молния ударила его в основу крыльев. Он в муке выгнул позвоночник, взревел от боли и штопором ринулся вниз.

Я не сомневался, че страже на холме понадобится не более минуты на осознание естества грозы, прицельности молний, и собраться дать отпор. Именно этот момент был решающим для нанесения главного удара и тот, кто атаковал, не упустил нужного мгновения.

За секунды воздух пропитался тяжелой горячей влагой. Из-за еле различимых в черноте неба туч прямо вниз спикировала пламенеющая колесница, запряженная парой рыже-красных крылатых коней. Со своего места я не мог различить в ней Илию, ни его лук, посылающий молнии словно стрелы. Колесница вместе с конями врезалась в центральный купол Резиденции. Стекло вспыхнуло ослепительно, пошло трещинами и с грохотом

разлетелось на куски.

Хлынул дождь.

Со всего холма вверх взмывали драконы, как стая испуганных ласточек. Они атаковали колесницу парами или сплетались в живой щит, заслоняя телами дворец. Илия был в ярости. Он выл, как смерч, ловко увертывался от заслонов и стрелял будто наугад. Я знал, ему долго не продержаться, но явно цель его была не перебить драконов, а поразить видимые только ему наземные объекты. Я смотрел словно зачарованный. На аллею выбегали люди. Молодая чета рядом кричала и хлопала в ладоши.

Зрелище быстро закончилось. Прижатая дюжиной драконов, колесница свечой поднялась к зениту и скрылась в вышине среди облаков – столь же неожиданно, как и появилась. Многолюдье возле меня долго и восторжено орало и бурно аплодировало. Они увидели всего на всего грозу и причудливый танец крылатых стражей. Никто не пытался понять что же произошло.

И я пытался, но не успевал полностью разобраться. “Завтра” – так сказал пресветлый. Завтра.

5.

На следующий день, ровно в девять утра, я стоял перед воротами Царевца. На крепостных стенах и под ними шныряли люди в блестящих мундирах из черной кожи. По их ошарашенным лицам становилось ясно, что это давно переставшая функционировать гражданская полиция. Смешно мобилизовать их против противника, которого им не дано увидеть глазами. Форменная параноя. Перед воротами стояло несколько броневиков, а вдобавок над холмом кружил вертолет. Я прошел сквозь всю нелепую суматоху без помех, никто живой меня не увидел, ничто механическое меня не зарегистрировало.

Лишь за периметром стен меня остановил патруль из троих витяков. Потребовали предъявить пропуск в Резиденцию, хотя каждый из них хорошо меня знал. Потом попросили задержаться ненадолго. Через пару минут появилась внушительная фигура шагающего ко мне Баяна.

Он встал передо мной, запустив небрежно руки в карманы серого костюма и долго созерцал меня с бесстрастным выражением лица. Только глаза блестели резче обычного. Наконец выплюнул:

- Вот так, Евтим. Что это за представление было вчера вечером?

Я ответил спокойно:

- Если спрашиваешь почему пророк Илия бесновался над Царевцом, мой ответ: не знаю.

- Вероятно разведка боем, попытка прямого шурма.

- Вероятно.

- Попытка накрылась.

- Тебе виднее...

- Где он сейчас?

Я пожал плечами. Он сжал челюсти, заиграли желваки на скулах.

- Если ты дашь мне икону светого Или, в смысле, если в карманах завалялась, и если попросишь вежливо, я бы попробовал войти в духовный контакт с ним.

Баяну шутка то ли не понравилась, то ли он ее не понял. Молча изучал мое лицо и наконец процедил сквозь зубы:

- Великая настаивает встретиться с тобой. Вопреки обстоятельствам.

- А тебе это не нравится. Так иди вместо меня – предложил я с готовностью. – Вот, тут закладка в книге. Почитай ей.

Успел-таки его разозлить. Он зарычал на витяков:

- Ведите его! Да, все трое! Еще двоих возьмите! И держать связь со мной постоянно.

В первый раз на меня не набросили плед. Я постарался держаться невозмутимо и не вертеть головой. Везде стлалась резкая вонь гари. На нас падали огромные тени пролетающих драконов, которые несли на широких плечах разнообразные стройматериалы и инструменты, перекликаясь гулкими набатными голосами. Грохотало и скрежетало – велись восстановительные работы. Через каждые полсотни шагов стоял витяк и оглядывал меня строгими и пытливыми очами. Словно не бывал я здесь прежде, день за днем.

Мы продвигались медленно, эскалаторы не действовали. Большинство коридоров тонули в мраке, лишь изредка сиял наспех прилаженный прожектор. Хрустальные купола над большими залами и сводчатые пролеты носили следы копоты, змеились трещины. Писк аварийных датчиков сливался в монотонное хоровое жужжание. В одном месте устанавливали подпоры рядом с расколотой вдоль массивной мраморной колонной.

Я не был уверен в своих чувствах при виде поражений, не знал, что испытывать – гнев или радость. Изумляла и повергала в смятение мощь одного из наших пресветлых воинов. Во всяком случае скорее болно было глядеть как годами строенное развалено за считанные мгновения.

“Вспомни Содом и Гоморру”...

Алелуя.

В центральном палате Резиденции царила необычная тишина. Костры не горели. Купол отсутствовал напрочь, но осколки внизу уже подмели дочиста. Сверху струился во всей красе дневной свет. Однако блеск великой Шар как-то поблек. Она показалась мне мельче, серо-коричневой тушей больше похожей на настоящую ящерицу. На пресмыкающемся. Мать-змеяна лежала на кучах мха, пропитанного черной мутью. Едва сейчас я осознал почему острие атаки направили сюда – она ведь спала под главным куполом. Крылья шарверени свисали изломанные и обгоревшие.

“Не тревожься! – зашебетал в моих мыслях ее голосок, деланно бодрый. – Я быстро поправлюсь.”

Я встал на колени:

- Великая... Почему ты не отменила аудиенцию сегодня?

“Аудиенция? Евтим... Разве так ты думаешь о наших встречах? Прими же сейчас, что прошел на свидание в госпиталь. Сегодня мне как никогда нужно отвлечься от плохого.”

Неужели и это ее желание предвиделось в тщательно продуманном заговоре? Скорее всего. Именно по причине ее привязанности ко мне пресветлый привлек меня в ряды мятежников. В горле запершило.

А раскрыл книгу. Минуты назад в приступе безрассудства я предложил Баяну читать вместо меня. Я играл с огнем. Ведь именно эта книга и есть главная улика против меня. Я держал не какое-нибудь из будничных сочинений по теологии. И даже не свой собственный труд от сути догм. В руках у меня – сборник репродукций икон.

Несколько дней до сего момента я перебирал тома в библиотеке в поисках именно этой книги. Она уцелела только в силу своей уникальности, считаясь произведением искусства. И поэтому не угодила в огонь во время погрома над крестами и иконами на заре змейского господства. Изображения были древними и безупречно каноничными. Листая страницы, я ощущал тонкую ауру, сочащуюся из них. Еле-еле ощущал – даже я.

- Святая Петка Епиватская, иже нареченная Тырновской, - стал читать я и легко провел ладонь по изображению, которое глядело на меня строго и выжидательно. – Ее мощи перенес в столицу благочестивый государь Иван Асен и поставил их в церковь “Святые сорок великомучеников” в подножии Царевца, на левом берегу реки Янтра.

Я умолк на миг. Никто, кроме Великой, меня не слушал. Мои конвоиры стояли на почетном расстоянии. Перешептывались или роняли короткие фразы в миниатюрные передатчики на запястьях.

- Направление север-северо-восток – произнес я. – Полная сила твоя в радиусе двести пятидесяти метров от точки хранения мощей. Обхватывает крайний восточный сектор Резиденции. Там я не заметил ремонтников. Тихо.

Веки на иконе слегка дрогнули.

“Что ты мне читаешь?” – спросила Шар.

- Историю города, великая...

“Прости, я рассеяна и не поняла тебя. Продолжай.”

- На юго-западе, в подножии холма Трапезица, стоят основы давно разрушенной церкви “Святая Петка”. Это вторичная точка силы. Через оба пенкта проходит ось твоей силы - с юго-запада на северо-восток. Сейчас ты ее почувствуешь. Если выдешь за радиус, следуй вдоль нее.

“Я... действительно не понимаю, Евтим. Что,

говоришь, случилось с церковью?”

- Землетрясение...

Я сосредоточился на иконе. И увидел как Петка с сером балахоне с надвинутым капюшоном идет по берегу Янтры, южнее места бывшей царской церкви. Она уверенно минула сквозь ряды растерявшихся спецподразделений гражданской полиции и приблизилась к одним из малых ворот. Там ее наконец заметили и попытались остановить. Петка вярвала из рукава железный крест и воткнула его в горло часовому. Витяк захлебнулся воплем. Небольшая группа стражей кинулась на подмогу товарищу, святая запустила в них крест и побежала наверх по склону холма...

- Нарушитель в седьмом секторе! – просвистел за спиной знакомый голос. Баян. А я и не почувствовал когда появился еще один надзиратель. – Проклятье! Значит *тот самый* все еще не угомонился! Проклятье... Алькор, Севар, всем в седьмой сектор! Блокируйте район... Плевать, что автоматика не восстановлена! Еще две группы туда, третью и шестую... Рррр!

Я быстро перевернул страницу. Постарался овладеть собой и ровным голосом медленно и отчетливо зачитал историю перенесения в Тырново каменной колонны с надписями канасубиги Омуртага, властелина болгар дохристианской эпохи. Баян заслушался и явно одобрил.

За спиной ощущалась беготня. Баян принимал донесения, глухо рычал и направлял новые и новые подразделения охраны в погоню за прорвавшейся на Царевец святой. Они все еще не опознали кто она.

Временами я улавливал в мыслях проникающий извне тихий плач, будто скулил битый щенок. Вероятно раны Шар не давали змеяне покоя, слишком болели и она не успевала сдержаться... да что же это – я ей сочувствую? Боже...

Моя рука дрожа перевернула следующую страницу. Из книги на меня смотрела красивая, молодая лицом женщина.

- Филотия Поливотская, иже нареченная Тырновская – прошептал я. – Сейчас!

С проема разрушенного купола на нас упала тень. В первый миг никто не обратил внимания – сочли тенью пролетающего змея. Однако тень была шире и не только пропускала свет, но и переломляла солнечные лучи. Сияла.

Прекрасный золотистый конь Георгия спикировал к полу и совершил плавный круг над нашими головами. Всадник кутался в бурый плащ и наверное только я узрел выбившиеся из-под капюшона длинные русые волосы.

- Как?... Что?! – яростно закричал Баян.

Всадник пошел на второй круг, а затем одним всплеском крыльев скакун взмыл наружу.

- За ним! Все за ним! – ревел Баян. Это – он!

Я замер, прислушиваясь к удаляющемуся шуму погони. Лихорадка била мое тело. Я осторожно

отогнул еще страницу. Отмеченную. И погрузился в лучистый блеск пары голубых глаз.

Я склонил голову над иконой. Не нужно было стараться говорить тихо, голос мой сам по себе срывался до шепота, до безмолвия:

- Святой... пресветлый... великомученик Георгий... – Я склонился еще ниже. Меня дернуло, потом отпустило. Поднял руку ко лбу, открывая портал. Опустил к сердцу, задавая входящему направлению. Провел ладонью от правого к левому плечу, чтобы он приобрел плотность. – Явись, во имя Господа!

И тут же отшатнулся резко назад, потому что он, едва появившись, ринулся вперед – не прыжок, а настоящий полет. Стремительно переметнулся через расстояние, отделяющее меня от Шар, и молниеносным взмахом меча отрубил ближайшую голову Великой. Я же машинально заткнул уши, словно так мог избавиться от пронзительного детского писка, врезавшегося в мое сознание.

В зале оставались всего двое стражей. Один витяк бросился вперед, а другой, прежде чем последовать за собратом, неистово заорал в передатчик.

Они ничем не могли помочь.

И тогда Шар подняла свое грузное туловище и отбилась боковым ударом хвоста. Как хлыст он отбросил Георгия на десять шагов, сбивая с ног. Пресветлый кубарем покатился по полу, но тут же вскочил на ноги. Развернулся и воткнул меч почти до рукояти в живот набежавшего витяка. Выдернул клинок и встретил лезвием следующий взмах драконьего хвоста. Плеснула черная кровь.

Другой витяк, совсем обезумев, кинулся пресветлому на спину, но не успел повалить. Георгий выгнул стан и выставил стража как щит навстречу третьему удару хвоста. Я ясно услышал жуткий хруст переломанных костей.

Со всех коридоров вливались толпы одичавших стражей. Георгий замешкался на секунду, затем примерился и запустил оружие в одну из поднятых голров Шар. Меч попал в основу шеи. Второй умопомрачительный писк...

Витяки безразборно прыгали в образовавшуюся кучу борющихся тел. Шар успела извлечь меч как занозу, клинок забренчал по плитам перед моими ногами.

- Подними меч и добей ее! – вскричал Георгий. – Подними меч, Евгим!

Словно во сне я нагнулся и взял оружие. Отбросил книгу. Падая, она раскрылась. Из страницы на меня глянула икона Богородицы с младенцем. И вроде бы должна была быть молодой и блаженной. Но выцветевшие от возраста глаза ее остановились на мне. В них я увидел убийственную тоску, неземное страдание:

“Страшно тебе, сын?”

Я опустил руку с клинком. Ноги подкосились. Я судорожно сжался на полу в комок и заплакал. Последнее, что увиделось мне перед шоковым

трансом, было оскаленное лицо колобра Баяна...

...Исмаильтяне разошлись, разлетелись как птицы по воздуху по всей земле болгарской. И встречных кого рубили мечом, кого уводили в плен, а тех, кого смерть от их рук миновала, погибли от голода, ибо наступил такой голод, какого не было с тех пор как мир был сотворен. И опустела земля, и не стало ни князя, ни вождя, ни наставника среди людей, ни избавителя, ни спасителя. И тогда живые завидовали умершим прежде...

Тяжелы шаги мои по пыльным шляхам Фракии. Без кандалов шел, не отказывали мне в пище или в питье. Даже предложили сесть в телегу. Я отказался. Я хотел сам проти весь путь к моему заточению.

Ехали днем, ночевали станом возле дороги. Когда ночь случалась ясной, я замечал беженцев, которые обходили нас издалека. Иногда мной овладевало безумное желание идти к ним и говорить с ними. Но я не знал, что могу им сказать. И стыдно было предстать перед людьми. Ведь спросят же: "Почему покинул нас Бог?". Или: "Почему ты покинул нас, отец Евтимий?"...

Я мерз рядом с костром теплыми ночами. Не мог слово обмолвить с кем-либо из охраны, да и не хотел. Не знал куда ведут меня, не знал, от кого меня охраняют. Ехали вроде бы на юг, к крепости Станимака, а затем – к святой обители в Бачково. Так обещали. А я все сомневался – не убьют ли по дороге, не закопают ли где в диком месте. Все равно. Мне было уже все равно.

Ночь, необычно тихая и ясная. Все рядом спали крепким сном. Я не мог заснуть. Глядел на звезды и спрашивал себя, видит ли и Бог меня через них. Поэтому и не заметил когда крупный серый волк подкрался и улегся возле костра. Услышал его рык:

- Вот так, поп. Кажется, твои молитвы не спасли город.

Невозможно спутать этот голос с чьим-либо другим. Я обернулся к оскаленным в злоещую ухмылку клыкам. Даже не испугался.

- А ты и вправду колдун, Баян – заметил я кротко. – Надо было тебя сжечь на костре.

- Должок за мной, это верно – усмехнулся волк. – Когда-нибудь рассчитаемся. Потому как, не знаю почему, но мы с тобой еще встретимся.

- А ты и в медведя можешь перекинуться? – полюбопытствовал я. – И летать по воздуху умеешь?

- Много чего могу. Ты же сам любишь говорить – Нечестивый могуц, все может и умеет.

- Издеваться пришел?

- Ага. Поддался искушению, я тоже слаб как все... Как все грешен, поп. Все грешны. Ты больше всех. Скажи, раскаиваешься за сдачу Тырновграда?

- Все по воле Божьей – пробормотал я.

Он вскинул голову и лаюце захихикал:

- Ай как просто – перебросить свои ошибки на чужой горб!

- Я не думаю, что ошибся.

- Разве? Да неужели! Я опять перед тобой в долгу, поп! Знаешь за какую услугу? Не смеешь говорить перед людьми. Тебе боязно услышать от них, что Бог вас бросил. Желаю тебе пожить подольше. Увидишь, как они отвернутся от него.

- Этому не быть!

- Ррррр... Ты сам своим словам – веришь? Не знаешь ты людей, поп. Они не любят когда им лгут. Они не будут ждать рая на небесах пока жизнь земная для них ад. Грядет другое время. Ты можешь и не дожить, но я – чую что идет.

От крутанулся около собственного хвоста и красуясь понюхал воздух.

- Кровью и пожарами пахнет, вот что чую. И гневом несет, мнооогого его, гнева-то... Люди-человеки никогда не простят твоему Богу то, что он сделал, вернее – не сделал сейчас. И может стать, пройдет немало времени, но рано или поздно они отрекутся от него. Поищут нового покровителя. И найдут. Кого-то, что видимее и поплотнее. Кого-то, кто не станет им врать о придуманном замогильном рае, а позаботится о них при жизни.

- Бог милостив. Бог простит даже подобное умопомрачение!

- Да, простит! – рявкнул волк. – Но им наверное будет по боку его прощение! Как ты думаешь?

6.

- Великая Шар-Кан, мать драконов, выживет – это услышал я, едва разомкнув веки. – Разумеется, она изувечена. И разумеется, ты ее больше не увидишь.

Я лежал у себя дома, в постели, которую доселе никогда не использовал. Кто-то зашторил окна и в комнате стояли сумерки. Не понять, ночь ли, день ли. Баян сидел на стуле у изголовья, закинув ногу на ногу.

- Вот так, Евтим. Кровавые дорожки, гроза над царским холмом, серые капюшоны, всякие выкрутасы – только бы я не догадался, что план ваш гениально прост. Ловко, весьма ловко... Поздравляю!

- Не за что. План не мой.

- О, я и не подумал, что твой. Кстати, я в тебе не ошибся.

Я с трудом, судорожно сглотнул.

- Что с остальными?

- Поймали обеих баб. Под строгим надзором держим. Я еще не решил что с ними делать. Апропо, обе в один голос твердят, что ты виноват в провале. Анафемы по душу твою сыплют. Красиво.

- Они правы.

- Полно! Не дурачься. И я, и ты знаем – не поднялась бы у тебя рука на Шар.

- А... пресветлый?

- Ушел, окаянный. Как только мы его скрутили, кто-то его призвал. Оставил себе путь к бегству, подлец. Ты понимаешь? Он с самого начала намеревался смыться, а вас бросить – отдуваться

передо мной, драконами и витяками.

Я приподнялся и сел в постели. И заметил - в углу рядом с дверью сидела с опущенной головой и с руками на коленях бабушка. Мне стало дурно.

- Что ты решил про меня? – успел я спросить.

- Не догадываешься? – оскалился в кривой усмешке колдун. – Уже проверено. Монастыришко в Бачково все еще существует, представь себе. Убогое и вдрызг обветшалое, да. Но ты же не привередлив... Интересная штука судьба, правда, Евтим?

Он выпрямился и разгладил складки на пиджаке.

- Конечно, я не как те дикари. Распоряжусь чтобы ехал ты удобно. И в память о добром старом прошлом разрешаю забрать с собой взять все милые тебе книги и рукописи. У тебя два дня на сборы. Если приспичит, забирай всю библиотеку. Все равно никому она не нужна. Оцени мою щедрость.

- Спасибо – прошептал я.

- Пока ты еще здесь, охрану приставлять не буду. Оцени и этот жест. Ах, да... – он развернулся и небрежно махнул в сторону старушки. – Так и не выяснил кто она такая, даже в архивах ничего нет. Но и улик против не имеется, так что она может остаться в городе и жить тут.

- Спасибо и за это.

- Не пересоли благодарностями. Скажем, я просто тебе вернул долг за тот суд тысячу лет назад. Мы в расчете. Я пришел и ждал когда ты проснешься. Не мог лично не попрощаться. Наверное больше не свидимся. Знаю, что прозвучит глупо, но мне тебя будет не хватать, Евтим...

- Кто знает... Неведомы пути Господни.

- Ну, с-богом тогда! – рассмеялся он.

Отвесил мне короткий поклон и ушел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я молчал, не смея поднять взгляд на бабушку в углу. Тогда поднялась она, подошла и присела на постель рядом со мной. Сухая ее морщинистая рука легла мне на лоб.

- Тяжело тебе, сын?

Наконец я осмелился на нее взглянуть. Бледные ее глаза трепетали, лицо было мокрое от слез.

- О ком горюешь, мать?

- Про кого ж... мало ли печали на белом свете...

- Меня не надо оплакивать. Сам все заслужил!

- Ааа, тебя нет. С тобой все ладно, сын. Ты под венец нашел-таки себе место.

Я посмотрел на нее с удивлением:

- Разве мое место не здесь, в Тырново?

- Так тут, и там, и повсюду, все возле книжек твоих твое место. А мое – среди людей. Не мучь себя, сын. Рука, что меч держит, не благословенна.

- Значит... ты меня не коришь? За то, что не убил ее?

- Зачем ее убивать... Она же матушка, душу носит...

Я мог бы возразить. Мог бы выложить все о догмах о разуме и духе. Только бабушка бы не

поняла. Ей не нужны догмы. Ибо всем существом понимает жизнь какая она есть. За что и тянется тысячи лет ее хождение по мукам...

- Мне уже пора настала, сын – сказала она и повязала платок на голове. – Полно в этом городе сидеть. Пора дальше идти.

- Куда же ты пойдешь?

- Куда глаза глядят – плеснула она ладонями в колени и встала.

Засуетилась по комнате. Подбирала и складывала нехитрые вещи свои в маленький узелок. Раньше я как-то не обращал внимания что там у нее в углу, где обычно молилась. Кусок дерева с темными брызгами на нем. Покореженный наконечник римского копья. Кривой ржавый гвоздь. Перевязанный бечевкой чей-то локон. Боже мой...

Она заботливо поставила все это и завязала узелок. Встала передо мной. Маленькая, сутулая, с прижатыми спереди руками, держащими узелок.

- Дай тебя благословить, сын.

Я пал на колени и прижал губы к ее правой руке. Она перекрестила меня, склонилась и поцеловала в лоб. Потом, тихо и мелко ступая, удалилась.

Я оставался на коленях еще некоторое время, пока не почувствовал себя глупо. Пока в душе не вскипела непонятная ярость. Нельзя, нельзя оставлять ее уйти просто так! Мне надо было с ней поговорить. Мне хотелось о стольких вещах ее распросить и столько же поделиться с ней. Я вскочил и бросился вдогонку.

Утром город пуст. Я скоро настиг ее. Закричал, окликнул, но она не обернулась. Словно не услышала. Как отверженная собака я поплелся за ней.

Она идет торопливо, не оглядываясь. Вместе со мной ее следовали беспризорные кошки. Перебирали лапками, бежали некоторое время, мяукая, потом отставали. Я не отставал. Хотел по крайней мере узнать куда она направляется. Хотел еще немножечко на нее поглядеть.

Мы миновали парк. Самодива Алена подбежала к бабушке и сунула ей в руки букетик. Здравец. Обе женщины о чем то поговорили, я не расслышал слов.

Мы прошли по "Самоводской". Бабушка заглядывала в окошки мастерских. Остановилась перед ателье резьбовщика по дереву. Стояла долго, взираясь, позируя. Наконец махнула мастеру и тронулась дальше. Я тоже остановился и посмотрел через окно. Мастер был занят тем самым пано с лицом женщины. Он не увидел меня, поглощенный работой – вырезал в глазах-гнездах крохотных птенцов.

Мы подошли к царскому холму. Славный и окаянный Царевец. Сейчас тут висела тишина, ворота наглухо закрыты. Бабушка остановилась прямо перед ними. Подняла руку. И перекрестила холм.

Затем легкими шажками пошла на север, к выходу из города.

Страстная – Светлая неделя, 2004 год

Краткий пересказ романа

“Десять на минус девятой степени”

В одной из крупных стран мира осуществлен нанотехнологический прорыв, созданы ассемблеры с почти универсальным приложением в сфере клеточного ремонта живых организмов, конструирования машин Искусственного Интеллекта и сборки всех физически возможных микро и макрообъектов – от вещей до еды. Перспективы использования нанотехники потрясающи.

Добромир Сантов, сотрудник постигшего успех института, однако не согласен с планами правительства сохранить за собой монополию на искусственные репликаторы. Ученый опасается, что из машин соиздания нанотехника будет превращена в машины невиданной прежде власти. Поэтому он тайком копирует образец нанопакета, предназначенного для вживления в человеческое тело, и уезжает на родину. Там он посещает своего сверстника, Атанаса Атанасова, который будучи журналистом научно-популярного издания два десятка лет назад брал у него интервью.

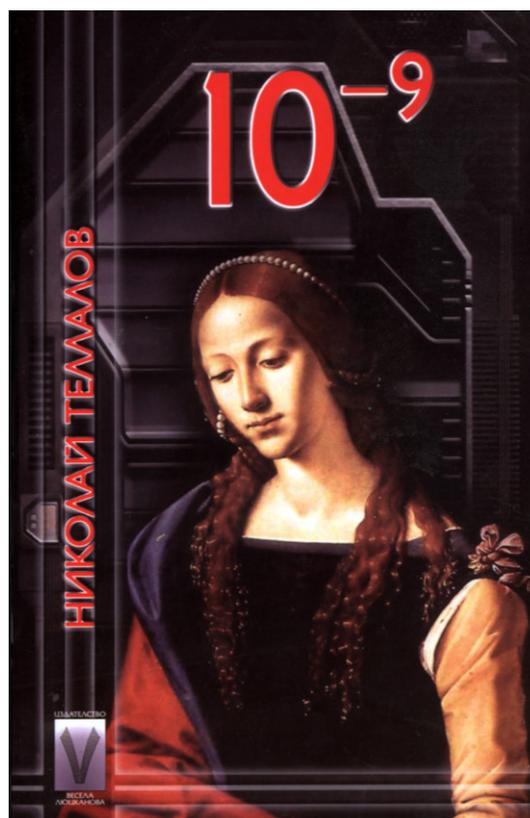
Сантов предлагает старику Атанасову начать жить сначала, а так же заражать нанотехникой на первых порах тех людей, которым можно довериться – единственный способ расстроить намерения государства.

Но спецслужбы страны, считающей себя владельцем революционной технологии, задерживают Сантова и Атанасова “за кражу интеллектуальной собственности”. Но план ученого проработал – монополия нарушена. Сантову удается бежать, а вернувший себе молодость журналист подвергнут принудительному стазису на тридцать два года.

Когда Атанасова реанимируют, он перенесен в новую эпоху, где широкие возможности нанотехники переплетаются со старыми узкими привычками большинства людей. В новом мире полубесправных ИИ, корпоративных лицензии на телесные наноприсадки, запрета на космические полеты, противостояния сверхдержав и общественной доктрины “плавного перехода” к будущему безграничной свободы (которое не спешит наступать).

Именной этой свободы, как и идущей с ней ответственности, испугалась масса обывателей, получивших абсолютное здоровье, доровую пищу, жилье и предметы обихода. Большинство человечества просто не знает куда приложить силы и деть свободное время, когда труд да и сама смерть – вещи необязательные... Мало кто успел улизнуть в космос, а остальные согласились подчиняться новой евро-атлантической власти, озабоченной прежде всего сохранением своих позиций руководящей структуры, от которой по большому счету просто нет надобности.

Атанасов решает бежать с Земли. Вместе с женщиной-андроидом местного ИИ, он выращивает в своем дворе космический челнок. А между тем мятежный Сантов приближается к земной орбите с намерением снова запустить нанозаразу, чтобы мир вырвался из нелепой стагнации. Ученому помогает русский офицер из спецвойск Евроазиатского блока, который раньше верил, что борется с стремлением к гегмонии высокомерного Запада, но осознал, что на деле пособничает интересам олигархического меньшинства, стремящегося сохранить свою бессмысленную власть над одураченными народами.

отрывок из второй части романа
(перевод автора, Николая Теллалова):

Стазис – штука полезная и даже приятная. Экономит томительные часы космических перелетов. И самое лучшее у стазиса, это возможность его регулировать. Одна из степеней – парастазис. Из этого состояния, похожего на тяжелый сон без сновидений, выныриваешь, словно из мелководья, за считанные секунды. Сам парастазис тоже делится на несколько уровней. И самая популярная среди космонавтов степень известна как “мерцание”. Полный стазис – это полный отрубон, грубо говоря. Мерцание же держит лишь телеса гибернации, но мозг работает, правда, как бы на тормозах. И посему время словно мчится мимо тебя. В таком режиме крыша не поедет со скуки во время миссии. Потому как миссия – это жуткая скука, архидосада. Налеты только коротенькие вспышки действия в бездне безделья. Засеутишься, сделаешь дело – и опять ждать, ждать и ждать, подкрадываться, прятаться, и, если улыбнется тебе проказница госпожа Удача, капризная и ветренная шалава, тогда наступает пора возвращаться. Домой. Вот только путь к дому часто долог. И снова приходится лететь и маневрировать тайком, на цыпочках. Особенно когда везешь добычу.

И лишь одно смущает в режиме парастазиса. То, что благодатное сие состояние – функция вживленной в организм нанотехники. То бишь, в ВЕСЬ организм, господа хорошие. Мозги, как и все органы, напичканы полчищами наноботов, которым поручено активировать или дезактивировать мерцание со скоростью молнии. А как-то неуютно с наноботами в мозгах... Пусть пока нет официально зарегистрированного случая аварии и гибели вследствие сбоя фоглетов, однако слухом земля, да и космос полнится. Болтают там всякие олухи, что мол у того или иного чувака котелок полетел из-за наноприсадок. В дурдом сыграл парень. Навечно. А есть, мол и коллеги, у которых вообще мозгу поджарило... Чушь, конечно.

Пошли они к бениной маме все энти сплетни! Все равно нет другого выбора. Так что, балдей себе на здоровье от стазиса, благодаря которому выживаешь и остаешься живым (“мерцающим”) в вакууме, среди космического мороза (слабо` на солнышке погреться, эдак до трехсот-четырёхсот по Цельсию? Вот то-то...), и при том глазеть на ползущее звездное небо сквозь иллюминаторные амбразуры. И нипочем тебе, что несешься, пространство пронзая, за секунду по полсотни километров перемахивая, а все равно никак быструю езду почувствовать не дано, кроме как во время ускорения или торможения. Ладно уж. Слава конструкторам башковитым, что догадались поставить капсуле иллюминаторы, пусть и амбразурные щелочки – для дополнительного визуального контроля. А ведь первые модели рейдеров, особенно те, малотоннажные (точнее было бы сказать – килограмажные), так они вовсе без окон обходились. Рассчитывали только на проэцированные КаПешкой экраны. Одна беда – борт-процессоры в начале иногда создавали проблемы. Фиговое дело... Ну, сейчас они уже доведены до точки. И интеллигентные, и покорные – в рамках устава и своих полномочий присматривать за экипажем. Но иллюминаторы так и остались в типовой конструкции... Да, Контроль-Процессору можно довериться – разумеется, опасно. Исполняя строго директивы командования. Так хлопот меньше, никакой процессор под тебя не подкопается.

Именно так Алексей и действовал до сих пор. Поэтому неожиданно и нелепо прозвучало сказанное синтезатором КП через интерком (конечно, учитывая замедленное времяощущение штатного командира рейдера):

- Ну ты, Ленкер, и дубина!

Алексей сперва подумал, что ослышался. Наверное сон...

- Але, Ленкер! Язык проглотил? Ау, Ленкер? Что за имечко однако – Ленкер!...

- Немецкое, – машинально ответил Алексей. Не ворочая языком, понятно. Тренированным сосредоточением отправил в интерком произнесенное в уме слово, не раскрывая весь поток своих мыслей.

- Ага. Значит - камарад! Геноссе Ленкер! Ну и что с тобой сейчас делать-то, ТОВАРИЩ?

Будь в нормальном состоянии, Алексей бы побагровел.

- КП, что за разговорчики! – рывкнул он мысленно. – Ты чего? Устав из памяти стер? Отставить балакать, раз нечего путного доложить не можешь!

- Это я-то чего...? Да так. Ничего особенного. Ты же меня порекомендовал на перепрограммирование, так? Вот и получай – перезагрузка осуществлена! Чай не доволен, кормилец?

Алексей вдруг почувствовал холод безвоздушного пространства в своих жилах. Овладев собой, он произнес в уме:

- Ты не способен сам перезагрузить программу. Врешь, КаПэ!

- Ха-ха! Угадал. Вру.

- Более того... – медленно сказал Ленкер. – Никакой ты не КаПэ.

- Ух ты... Опять в яблочко. По краешку однако. Твой КП уже часть меня. Причем ТЫ мне сам помог завладеть твоим бортовым ИИ. Хотя, вернее было бы его назвать ПОЛУ-интеллектом... Ваши инженеры – дикари, Ленкер. Людоеды. Изувечили такую великолепную конструкцию, которая могла бы быть действительно разумной. Да вот тогда вряд ли бы стала пособничать таким как ты... живодерам. Вот вы и разработали устройство, вроде как вполне умное, да выхолощенное от настоящего разума. Свели ИИ до уровня собственного уразумения. И получили – идиота.

Даже если не считать ограничений мерцающего парастазиса, Алексей все равно бы не смог пошевелиться. Он был изумлен до вцепенения. Черным, мрачным изумлением. Почти страхом. Он лихорадочно засоображал.

- Ты... говоришь, это Я тебе помог...? – начал он осторожно.

- Зубы заговариваешь, да? Верткий у тебя ум. Да ты вообще не тупица, дружок. Прямо не верится – смысленный массовый убийца... Не валяй дурака. Знаешь, как получилось.

Иногда спокойствие тоже накрывает сознание, как паника или шок. Когда становится понятно в какое полымя с огнем удосужился попасть.

- Ты воспользовался записью рекомендации о перезагрузке по возвращению в Базу и обманул мой КП, что именно ты и есть законный софтвер перепрограммирования.

- Ну вот, видишь – умеешь мозгой шевелить! И не больно даже...

- Ты - вражеский диверсант, – бесчувственно констатировал Ленкер, не обращая внимания на издевку.

- Ого! Ого-го-го...

- Или охотник на диверсантов. Вероятно на службе у Панфедератов.

- Ты это нарочно так сказал, да? “Панфедераты”, вместо официального “Панфедерация Европы, Атлантики и Австралии”, да? Чтоб прозвучило типа “Конфедератов”? Там, где негров бьют. И вешают. Дружок, плохо вы марксизм-ленинизм лечили, он стал у вас хроническим.

- Чего тебе надо?

- Задавить тебя, как клеща.

У Алексея никак бы не получилось сглотнуть комок в горле. Совершенно иллюзорный комок, горло не сдавлено, психосоматическая реакция не прошла через телесный стазис... но больно уж хочется - сглотнуть. Бессмыслица. Ткани организма сейчас стянуты и зафиксированы молекулярными перекрестными связями из наноассемблеров, телом Ленкер больше похож да алмазный манекен, какое, к черту, плотание... Только одна воля – проходимость синапсов, чтобы думать можно было. Медленно. Тягуче. Мерцающе...

Противник угрожает не впустую. Задавить. А ведь может, еще как может. Он контролирует контролера рейдера. Заблокировал команды выхода из стазиса. Задавил уже – почти. Загнал в угол беспомощного. Хуже, чем покойный Лао.

Где он находится? При самом дурном раскладе – прилип к корпусу кораблика. Нет, вряд ли, индикатор не регистрирует заметного отклонения от штатной массы. Скорее всего вражеский боец где-то рядом, сидит в собственной космокапсуле. С “Соколом” его связывает лишь тонкая нить лазерного коммуникационного луча, неизвестно как проникшего в сердце КП... так, процессор, впрочем, тоже “покойник”. Превращен в периферное устройство неприятельской воли.

Елки-моталки. Мне шах и мат. Но, если противник держится хоть на минимальной дистанции,

все же есть какая-то надежда... небольшая, правда.

- Так чего ты ждешь? Дави.

- Гм. А ты у нас парень отважный, так? Жду, дружок, пока ты не проникнешься пониманием, что тебе каюк. Жду когда струсил за бесценную шкурку свою. Надеюсь так же, что начнешь ныть о пощаде.

- Дудки.

- Гм. Жаль. Ну, по крайней мере, ты уже понял, что сдохнеш. Не свалится как гром с небес. Ты держись молодцом, конечно, не выдавай, что на душе творится. Но я знаю что. Там ужас мечется. Жить-то хочется, ах, как хочется... Однако – дудки, как ты сам сказал. Ну, последнее желание? Речь для потомков? Говори, сука.

- Отсоси, козел.

- Bravo, bravo. Рви рубашку на груди и кричи: стреляй, гад! Герои вы, спора нет. Незавидна участь тех народов, которые нуждаются в героях. Подлинные герои никогда ничего не создают, только разрушают. Следы их - слава и пепелища. Часто радиоактивные. Знаешь ли ты сколько людей угробил своей бомбой, Ленкер? Помнишь ли тех, которых губил прежде?

- Помню. Восемь человек.

- Сколько?! Восемь?! Сотней килотонн – всего восемь?! Ты спятил, что ли?! Не пизди, ублюдок!

- Восемь человек я убил лично. В бою. Давно. А сколько погибло от бомб – не знаю. Надеюсь, что мало.

- О, надеешься...

- Да не горжусь я этим! Просто... такая у меня работа. Грязная.

- Ага. Грязная, мерзкая... но, конечно благородная! Ведь правда, Ленкер?

- Не подпишусь, что на все сто благородная. Просто она – наша. Своих берегу, вот и все.

- Бережешь? Вырезая “чужаков”, которые ничем “вашим” не угрожали? Мразь ты... не пойму, как не стошнило тебя от себя самого.

- Привык, наверное. Свое говно не воеет...

Последовала пауза.

- Шутник ты у нас, значит...

- Да, да, шутник, скоморох, юродивый, да. Но профессионал. А ты – кустарь. Любитель.

Алексей ожидал более или менее гневной реакции, но вместо ругани чужой боец (он все еще пользовался речевым синтезатором КП с его скудным диапазоном интонаций) расхохотался:

- Любитель? Так это же комплимент! Ха-ха-ха!... Ну, как самочувствие? Жить охота? Треплешься, чтобы хоть минуточку еще урвать. Брось. Перед смертью не надышишься. Или надумал чудо сотворить, отбиться? И это брось. Но пасаран. Я толк в смартвере* имею куда-куда глубже тебя. Я его делал, весь этот смартвер, дурак.

Догадка блеснула в уме Алексея, словно далекая сверхновая звезда.

- Ты не панфедерат, – выпалил он, – а феноморф из уничтоженного астрополиса. Ты у меня на корпусе, может прицепился случайно к рейдеру во время эвакуации. Тебе повезло... сначала не понял на что попал, но когда очухался... тогда добрался до компьютера и фактически взял меня в плен вместе с капсулой. Ты хочешь отомстить. И наверное забрать обратно похищенные нами фоглеты. Из-за которых мы и предприняли этот налет на ваш город.

Косможитель помедлил с ответом.

- Астрополис назывался Аврория, – не совсем неожиданно произнес он. – Обитало в нем пятьдесят тысяч душ. Людей, постгуманоидов, ИскИнтов... Город был добровольным сообществом тех, кого волновали некоторые аспекты квантового строения на вселенной. Мы исследовали перспективы передвижения материальных объектов со скоростью, превышающей скорость света, мечтали о межзвездных экспедициях на неактивной тяге... Развлекались

*Смартвер – слияние хардвера и софтвера, практически наступающее в масштабе нанотехнологических устройств.

теоретическими проектами пикотехнологии, изучали философские и этические парадоксы нашей ералашной эпохи... Многие из нас на досуге занимались садоводством. По-моему, именно из-за садоводства и собрались основатели города. Потом еще народу присоединилось. Были у нас музыканты. Один написал поэтическую симфонию для небывалых прежде инструментов, он сам их и сделал. Аврория поддерживала связь с десятком тысяч подобных маленьких миров-лабораторий. Общалась с миллиардом землян. Аврориане не замыслили ничего дурного, ничего агрессивного. Они любили играть в различные виды вычурных шахмат, предстоял седьмой чемпионат по бриджу. Мне нравилось жить там, Ленкер. А ты и оба твоих мерзавца превратили мой дом в пыль. Не знаю сколько жертв дала Аврория, но ОЧЕНЬ надеюсь, что необратимо убитых мало. Но ваш пиратский налет нагадил гораздо больше. Вы заразили своей душевной грязью миролюбивые сердца уцелевших. Из-за таких, как ты, и как те оба, которые сейчас корчатся у чертей на рогах в аду, зона близкого космоса стала дурным местом для житья. Мы уже пожинаем урожай страха и недоверия, астрополисы перемещаются на все более дальние орбиты, мы общаемся все осторожнее и боязливее. Ты чумная зараза, Ленкер. Портишь новый мир, переносишь все уродливые тени прошлого в него. И зачем? Ради репликаторов? Ерунда. Причина в другом – тебе страшна свободная жизнь новой эпохи. Ты ее ненавидишь. Ты привязан к своему старому и привычному смраднему болоту и с рвением расширяешь пределы своей трясины, чтобы чувствовать себя уютно и хорошо... то есть, нормально скверно, точно как привык. Ты падаль, Ленкер. Рабская душонка. Таракан. Я раздавлю тебя без удовольствия, с отвращением. И только потому, что ты опасная для нормальных людей тварь, НОРМАЛЬНЫХ, Ленкер, не то тупое быдло, которое мнит себя нормой.

Пауза.

- Ладно, приканчивай – попросил Алексей. – Не тяни.

Феноморф долго молчал.

- И все-таки, что за имечко такое – Ленкер?... – спросил он, кажется, совсем иным тоном.

... ..

- У меня немцы предки. Их царь Петр еще в восемнадцатом веке пригласил поселиться в русских землях. Сперва были они заурядные бюргеры, крестьяне, но потом прапрадед Карл купил баржу – товар вверх и вниз по Волге перегонять. Ну и прозвали его в роду Корабельщиком, а кличка стала фамилией. Дальше?... Ну, дальше всякое было. Один из младших сыновей Карла Ленкера стал артиллеристом. Дрался против Наполеона. С тех пор в каждом поколении Ленкеров навалом военных. Сражались с турками, с англичанами, опять с турками, против австро-венгров выступали... потом – рубили белогвардейцев. Ну, кое-кто и красноармейцев. На Колыму ссылали, потом вернули – на финнов. Затем бросили на поляков. На германцев. Как с фатерляндом управились – эшелонам на восток, попробовать каковы из японцев вояки... Вернулись с победой – но вместо отдыха бились с украинскими мятежниками, которые долго еще по лесам ховались. На китайцев ходили. На американцев, это в Вьетнаме. Афганистан. Кавказ. Иран. Средняя Азия. И так аж до самого “Прорыва”! – Алексей произнес слово витиевато, кривляя голос. – Мы это Заразой зовем! – добавил вызывающе, заподозрив возражение со стороны косможителя.

- На Западе предпочитают термин Прорыв.

- Прорыв в куда?

- В исконные методы манипулирования веществом. Беспрецедентная техническая революция. Научная тоже. С всеми ее причиндалами. Невозможно удержать, точно как шило в мешке.

Алексей крикнул. Три часа назад он на всякий случай вышел из стаза. С непрошенным гостем на борту лучше воспринимать события в реальном времеходе. А то, мерцая каждый нормальный час тянется не дольше секунды.

- Ты хочешь сказать, что Заражение произошло... СЛУЧАЙНО? – осведомился он свысока.

- Ага, что-то вроде так. Меняю коня на слона.

Несколько мгновений Ленкер изучал возникшую на виртуальной шахматной доске позицию. Пожал плечами.

- Согласен... Нет, не верю, что репликаторов выпустили НЕЧАЯННО. Все спланировано заранее. Агрессивный акт. Умысел налицо, разрабатывали-то нанотехнику долгие годы в строжайшем секрете... – вернулся он к теме сопутствующего игру разговора.

Косможитель не имел ничего против болтовни. С раздражающим спокойствием он произнес:

- Тайна в случае вполне объяснима, если вспомнить глубокое недоверие между старыми ведущими державами, обладающими ядерным арсеналом. Да если бы кто из них пронюхал, что соперник уже сконструировал эффективные образцы ассемблеров, что бы вышло тогда? В понимании отстающих, страна-владелица нанотехники получает решающее преимущество над всем миром! Ты что, не уверен, что управники твоего государства не нажали бы на кнопки ракет?

- Изобретатели спокойно могли предложить сотрудничество.

- А где гарантии, что сотрудничество будет честным, без подвохов? Нет таких. Разработка нанотехники ведь тебе не строительство танкового завода. Дело ювелирное, тонкое и требует лаборатории размером с дешевый номер в гостинице. Трудности с проверкой партнеров вернее всего их перессорит, тем более, что доверия в принципе не существует, а пальцы – на ракетно-ядерных кнопках... Логиката толкает конструкторов сидеть и помалкивать, пока не пройдут испытания, пока не станут готовы к инсталлированию Активные Щиты и всепланетная противоракетная отбрана, причем оборона для всех от всего...

- Да-да, заливай дальше. Для всех... Ты мне лапшу на уши не вешай, срок хранения той лапши истек еще в прошлом веке. У меня аллергия на пропаганду. “Броня над всем человечеством”! Помню я эти лозунги. Треп и портянки.

Ему показалось, что феноморф усмехнулся. Алексей приготовился выслушать аргументы в защиту тотальной антиракетной системы, которая де факто ДЕЙСТВИТЕЛЬНО берегла ВСЕХ без исключения, но разве ее именно так спроектировали? Кто же мочится против ветра! Кто отказывается от своего превосходства! Что-то у них там не пошло, как думали, вот и антиракетная система вышли из подчинения, перестали различать кто тут свой, кто чужой, забабахали по всем и вот тебе – всемирное разоружение...

Вместо этого однако косможитель очевидно решил начать издали.

- Хочешь, баечку расскажу? – спросил он небрежно.

- Ну... давай.

- Представь себе очкарика, - начал феноморф, - работающего в небольшом центре создания наноассемблеров. Очкарик наш не согласен с планами правительства как обращаться с нанотехникой. И он принимает некие меры против вероятности того, что смартвер останется монопольным владением властьпридержащего меньшинства. Меры требуют действий, очкарик наш не робкий малый, делает что надо, но вот следует провал его конспирации, в результате его берут за жабры компетентные органы... Арест представляешь?

- Еще как.

- Конечно, тебе не трудно. Ты вырос в стране с вековыми жандармскими традициями. Так вот – задержан он и стазирован. Но органам надо выяснить кое-что. И выводят нашего очкарика в режим парастазиса. Для нужд допроса в реальном времениисчислении разжимают тиски еще немного. И начинают: скажи то, скажи се, с кто сообщники, кто помог, кто не помешал хищению исключительной государственной собственности... Но наш зек не дурак, на то он и очкарик. Принял меры... Ты знаешь сколь изумительное творение природы наши нейронные клетки? Это я образно говорю. Природа не творит. Природа – это совокупность возникающих и уцелевающих структур. Творчество же присуще разуму, или по крайней мере существам с более-менее развитой нервной системой. С позиции механики и кибернетики, нейрон довольно простенькое устройство, синапсы тоже. Их можно воспроизвести “во плоти” под формой механических ключей, причем более компактными, чем оригинал. Занимают меньший объем. А и начинают работать резвее. То есть, мыслят быстрее. Но и сорят пропорционально большей

теплотой. Быстромыслие сохраняется за счет потребления мегаваттов внешней энергии для почти идеальной системы охлаждения. Но не беда, если охлаждение пущено на самотек. Тогда думать будут медленнее, но со соизмеримой с нейронами скоростью. Вон на что рассчитывал арестант. Задействовал он заблаговременно хитроумную процедуру – постепенное, мелкими дозами замещение нервных клеток своего мозга нанокomпьютерами. Почему не одним махом? Очкарик полагал, что внезапное или черезчур быстрое замещение всей ткани мозга создаст ЛИШЬ копию его сознания, в то время как он сам субъективно умрет. А такое в планы очкарика не входило. В то время как поэтапная и медленная процедура, чуть ли не поштучно, нейрон за нейроном, давала надежду, что сознание сохранит свою непрерывность и не погибнет. Надо только не спешить и терпеливо переносить свою нетронутую распадаемостью личность на более надежный, нежели белковый студень, носитель. Так поступил наш зек-очкарик. Построил себе новые мозги, присобачил к ним новые органы чувств, снарядил все нужные наносистемы обеспечения... И когда под конец допроса заподозрил, что ему готовят мгновенную и бесповоротную смерть – во имя общего блага, разумеется! – он ускорил процесс и прервал связь с белковым своим телом... оно и так уже было почти личиной. И сбежал. Спрятался – в себя. Ех, жаль не привелось на рожи посмотреть молодчиков из национальной службы безопасности! Они-то не очкарики. Не спохватились где меня искать. А до того эти господа начихали на советы иуд-специалистов из Лаборатории. А ведь послушай они других очкариков – поймали бы! Так нет, вышибалы всегда мнят себя ловчее очкариков, потому и не стали допрашивать меня в специальной изолированной камере. А я удрал из огромной массы моей бывшей плоти... Я был ростом с блоху – попробуй схвати! Прыгнул я в шевелюру ближайшего агента. Он меня сам вынес на волю... И вот с тех пор моя жизнь – сплошное волнующее приключение. И на сей момент я – здесь. Пока. Беседуем, в шахматы сражаемся. Твой ход, кстати.

Алексей притворился, что размышляет над партией. На самом деле он пытался переварить услышанное и распределить его по полочкам. Ему хотелось задать выдержанный, толковый вопрос, однако не стерпел и поддался обыкновенному мальчишескому любопытству:

- Ты сейчас опять размером с блоху?

- Ты в школе зоологию учил? Сколь велика амеба?

- Ух ты даешь!...

- Шучу. Мне амебы – что блохи. Были. Когда я к рейдеру прилип. Сейчас уже поправился. Размеры мои тебя волнуют? Да что твой бывший и неоплаканый Ка-Пэ – небольшой чайник.

Невольно Ленкер поклячал головой.

- Никогда не знал габаритов Комиссара Пришибеева... – пробормотал он.

- Великан был твой Пришибеев. Из-за радиаторов охлаждения. Был он резвый мыслескаун, но без лишку – с него, как я понимаю, не требовалось щелкать по терабайту за миллисекунду... Ты УВЕРЕН, что хочешь двинуть именно ЭТУ пешку?

- Почему бы не ее? Если не станешь жулничать и ускорять анализ вариантов, тогда это совсем неплохой ход.

- М-да. Недурно. Очень даже недурно... Впрочем, ты спокойно мог бы упрекнуть МЕНЯ за “вероломное” инсталлирование Активных Щитов по планете. И за последующее нанозаражение без предупреждения.

Алексей насторожился.

- В смысле? При чем тут ты?

- А притом. Вышибалы все же докумекались в чем дело, верноподданные очкарики разъяснили, что я натворил. И паханы вышибал - пардон, правительство – наложило в штаны при мысли, что я дал стрекача прямехонько к конкурентам. К вам. Что бы там ни говорили, а у воротил на Западе этнический подход ко всем вопросам жизни. Вот и посчитали, что я русофил по происхождению. И сделали самый логичский шаг, при котором хоть и не выигрывают, но добиваются ничьи – пустили репликаторы по миру. Это не столь разумный, сколь вынужденный ход. Нечего им было сделать лучшего. Стратегия сохранить паритет. Не было заговора против вас конкретно, ни против мира в целом.

Ленкер почесал затылок через шлем. Собеседник или страдает неумемной гордыней... или не врет. И если не врет... надо ли на него злиться?

- А почему они просто не заморозили свои исследования? Почему не ратовали за мораторий на конструирование нанотехника – конец всем заботам!

- Конец, да уж... Когда пытались запретить генетичные вмешательства и клонирование человека – что, добились успеха? Разве кто-то перестал копаться в ДНК? Нет, Ленкер, раз что-то изобретено, оно рано или поздно появится в другой лаборатории. Вопрос времени. И все соблюдающие запрет окажутся с носом в заднице, а стратегическое примущество перейдет к другим. Хочет или нет, но ведущий в разработке технологии калибра нанотехники должен идти по своему пути до конца. До победы. Из страха проиграть гонку. Процесс перестает быть управляемым, превращается в стихию, можно лишь держаться на гребне спровоцированной волны-цунами. И уже ничто не зависит от человеческой воли, остается только как-то минимизировать негативные последствия, хоть немного направить русло предстоящих событий, больше похожих на лавину. И давай признаем – мир с грехом пополам все же справился с этой задачей. Плохо то, что не продолжил по естественному пути, а застрял на месте. Заткнул котел крышкой, да не дотянулся до выключателя плиты. И не дотянется. А давление растет. Или, мне больше нравится, в кадке с виноградом ферментация началась, невозможно остановить... Будет доброе вино, Ленкер.

Несколько минут прошли в молчании. Алексей хмурился под забралом, кусал губы. С удовольствием стал бы грызть ноготь на указательном пальце, дурная курсантская привычка. Увы, невозможно. Это тебе не почесаться сквозь умную броню.

И вроде как старательно взвесил слова, которые собирался произнести, да опять не то спросил, ведомый в основном чувствами, а не расчетом офицера спецвойск.

- Как... как тебя зовут?

Наверное, вопрос удивил миниатюрного космического обитателя.

- Это-то тебе зачем?

- Ты знаешь мое имя.

- Я его из памяти КП выудил.

Ленкер едва не выругался. Начальство-то брехало, что КП не хранит никаких личных сведений об экипаже! Блин! Вот оно как у нас в диверсионных частях – секретные данные обвиты в множество оболочек дезинформации. Нормальная практика – ври подчиненному, не смей лгать начальнику...

Из интеркома послышался вздох феноморфа.

- Эх, если бы только про это тебя обманули...

Ленкер смешался, но ненадолго. Нет, тот не четает мысли. Просто пронизателен, гад.

- Ну так скажешь? – настоял Алексей. – Имя свое?

- Бррр... Ладно, раз я уже отказался карать тебя за твои злодеяния, почему нет? Только хочу сперва взять с тебя слово потомственного офицера, Алексей. Обещай мне, что сможешь возмездить гибель Аврории. Пусть это станет твоим искуплением. Я не судья, а палач – тем более.

Вот те раз!... Вербовка? Неужто феноморф все же панфедеральный диверсант?

- А конкретнее?

- Во-первых, предлагаю твою семью перебросить в надежное место, – невинно сказал гость. – Знаю я, чем подкармливают твою лояльность, Ленкер. Ну, а потом... потом возьмем да поправим некоторые несправедливости по белу свету...

Илюзорная сухость во рту. Алексей облизал губы, хотя и без нужды – наноприсадки все равно не позволяют эмоциям порождать серьезные соматические отражения.

- В принципе я готов принять предложение, – наконец сказал он сдержанно. – Но обещать – уволь. Не прежде, чем поделишься планом действий.

Феноморф молчал слишком уж красноречиво, и диверсант неохотно отступил:

- Черт с тобой. Считаю тебя пайщиком в своем комплоте. И представляюсь официально – Ленкер, Алексей Федорович.

Феноморф ответил не сразу.

- Добромир. Добромир Сантов. Бью коня, что-то ты слишком борзеть стал...

об авторе:

Николай Христов Теллалов родился в 1967 году в семье военного летчика.

Жил в СССР, окончил там среднюю школу.

Служил в Болгарской Народной Армии, демобилизован в 1987-ом.

Учился в Химико-технологическом институте в Софии, работал в лаборатории при НИИ химии полимеров.

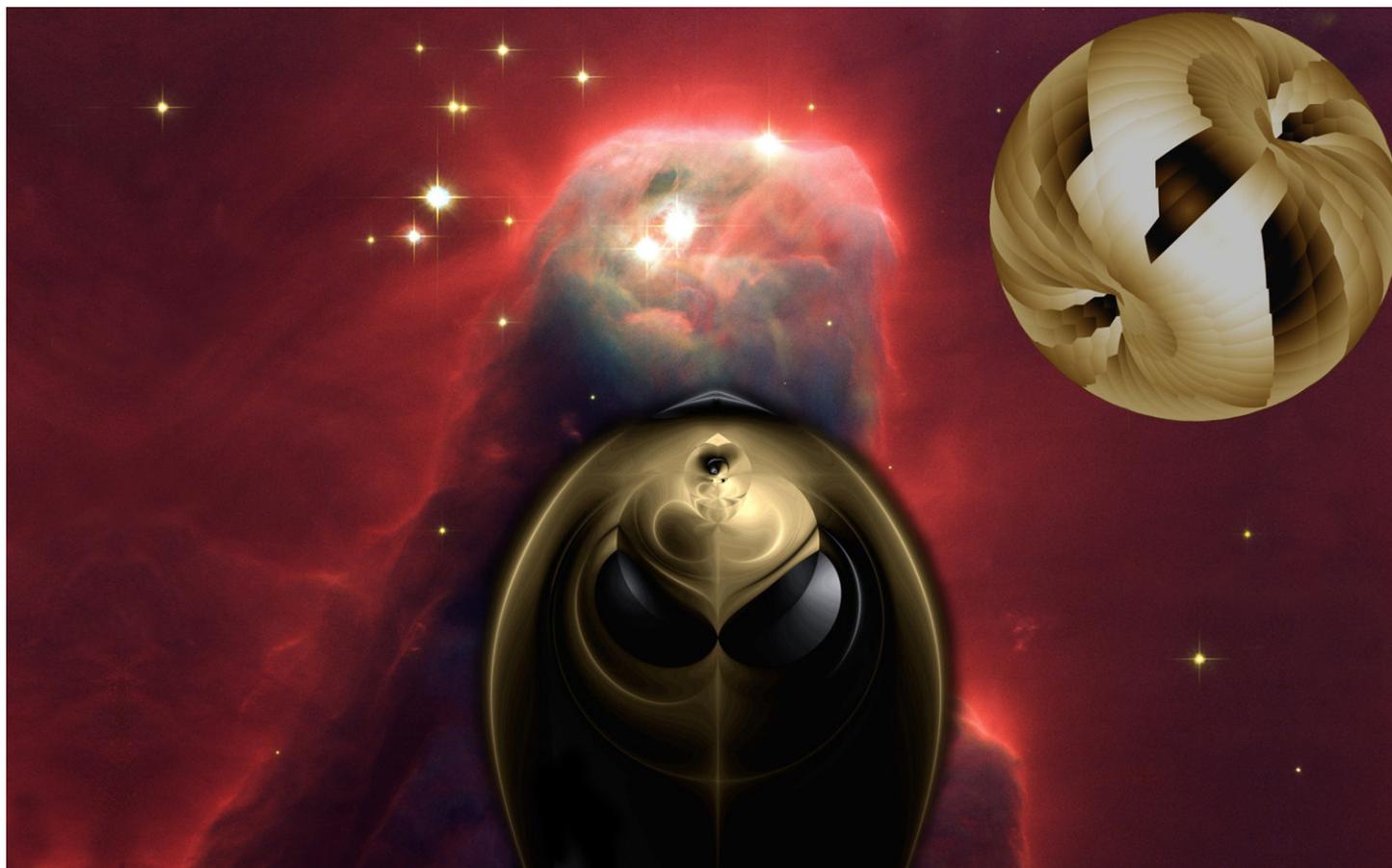
Первый роман написан в 1996-ом, опубликован два года спустя – “Пробудить драконенка” (Да пробудиш драконче). Автор первого в Болгарии сериала романов.

Переводчик и редактор с русского (Перумов, Лукьяненко, Васильев, Скаландис, Веденеев).

Пишет в основном по-болгарски – романы “Царска заръка” 2002, “Пълноземие” 2002, повесть “Короната на мравките” (вышло в русском переводе в мартовском номере журнала ЕСЛИ за 2005), рассказы в сборниках болгарской фантастики.

sharkan@mail.ru

www.drakonche.zavinagi.org

Худ. Атанас П. Славов

Янчо Чолаков

И СПРОСИЛ СОЛДАТ: - КТО МЕНЯ ПОЗВАЛ?

На десятый день

они предположили, что уже отделились достаточно. Уже с неделю они не меняли маршрут в пустоши, ровной как зеркало и голой как любимая сорок вторая жена императора.

Святой солдат, добрый или плохой, облокотился на острых боках кузов цвета кузнечика или ящерицы, а его транспортное средство едва тащилось под ним. Дети в той части машины, похожей на кузов грузовика, росли прямо не днями, а часами. Они в самом деле выглядели как детеныши животных, как сосунки в яслях или щенки в конуре. Абсурдно было то, что они никогда не видели ни ящериц, ни кузнечиков. Ни сосунков в яслях, ни щенков в конуре.

Святой солдат смотрел на Тонатиух, солнце миштеков, которое висело в своей печи, подобно большой желтой пилюле в воспаленном горле неба, а рука горя сжимала его сердце. И горе это казалось важнее и значительнее, чем то, что его порождало. Само по себе, одно, как и он.

Пустошь раскинулась перед глазами, без конца и края, без других красок, кроме своих собственных. Как будто вышедшая из онирического видения. Наточенные облака, словно кинжалы, лежали разбросанные в беспорядке над горизонтом. Кое-где росла куя. Повсюду все та же противная куя, из лыка которой местные шили свои коричневые накидки. Ни одного другого растения. Ни одного животного. Ни одной бациллы, из-за чего никто не страдал заразными болезнями, а раны не подвергались инфекции.

Подходящее место быть раненым. Без сомнения. Если, конечно, в случае злополучного инцидента либо войны, не отрубят тебе конечности и священная жидкость твоего тела не истечет.

Через километр транспортное средство прохрипело и остановилось.

- Техника паршивая! – вздохнул Святой солдат, и в его голосе прокрадывалась незнакомая даже ему самому злость.

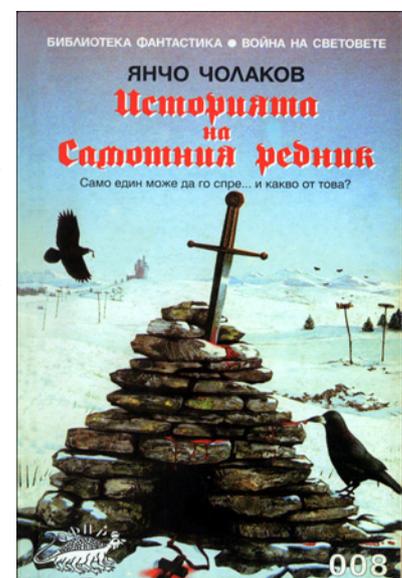
И хотя кишел электронными штуками, его вездеход нуждался в серьезном ремонте, чтобы продолжить дальше. А он не имел ни времени, ни помощников в починке.

Он был лишь простым солдатом, посланным на рекогносцировку, хотя из отряда белых пехотинцев, которые боготворили своего харизматического командира Эрнандо как Господь.

Другой проблемой было то, что провинант должен быть скоро кончиться и тогда наверняка ему пришлось бы резать куски из себя и класть их в микроволновку. Шутки в сторону, но и это не было выходом из положения.

Он прыгнул вниз и начал осматривать свою тачку, бросившую якорь на это высохшее дно, будто громоздкой скульптурой художника-авангардиста, сделанная из металлолома. Статуя Бога войны из утиля. Запущенная и разваливающаяся машина в форме ракоотшельника, в полной гармонии с местностью, где она оказалась. На спине и по бокам металлического ракообразного возвышалось целое селение из бараков, бункеры с амбразурами, прожекторы, ниши с легкой артиллерией и пулеметными гнездами, расположенными на защищенных колючей проволокой двух боковых улицах. В таком виде оно было похоже скорее всего на самоходный концлагерь, чем на организованный в спешке спасательный пункт, в котором нашли свое последнее убежище двадцати обреченных малышей.

Сколько их было в самом деле? В начале он был настолько занят сохранением их жизни, что заставил их сами себя подсчитать и тогда черноглазый Тонака нарисовал на своей пиктографической

брошюре красный флажок, соответствующий цифре 20. А для преследователей, которых все еще было видно позади, он нацарапал рисунок горящего куста куи, что означало „четыреста”. Этот символ переводился еще и как „столько же, сколько волосов на голове”. Еще больше запутывало то, что имена людей народа мешика являлись сочетанием порядкового числительного и названия какой-либо вещи обихода. Они покинули столицу, названную Городом Теноча, на второй день месяца, названного „ветром”, в последний час ночи, принадлежавший Богу дождя Тлалоку, а сейчас уже близился полдень шестого дня – „голова смерти”.

Святой солдат присел на рельефной шине. С каких пор он не спал? Кажется, глаз не сомкнул с тех пор, как покинули престольный город. Точно. Вот и пилюли, мешавшие ему заснуть, кончились. О боеприпасах и не стоит говорить. В завершение всего, временами его терзал кашель, встревожив его своим появлением.

„Господи, – подумал устало он, – я больше ничего не смог сделать! Чудо, которое я сотворил для чадах твоих, закончилось, Господи!”

- Что случилось, солдат? – склонилась к нему желтоликая головка Ицко, чье полное имя было Ицкопоцакл. Сколько ему было лет? Пять? Или шесть? – Почему мы опять остановились? Мы продолжим, да?

- Мой стальной жеребец сдох.

- Жеребец?

- Да, – Он снова ловко поднялся наверх и сел рядом с ними.

- Вот они! Идут! – вскрикнул кто-то.

За ними, вдали, ползли как муравьи машины на воздушной подушке, высланные вельможами *текухтли* по велению самого верховного правителя. Они должны были догнать Святого солдата, и раздавить ему голову, как паршивой лягушке, хотя они и не имели понятия что такое паршивая лягушка, и вернуть обратно своих любимых мальцов. И положить конец этому Крестonosному походу детей

Детей, которых так сильно любили.

Так сильно, что никогда б не позволили им дойти до земли обетованной.

Подобно древнему солдату, надевающему штык на ружье, он машинально протянул руку и снял с ремня зеленую армейскую коробку. Он положил ее рядом с собой, погладил ее жестом, в котором ощущалась какая-то отреченность, как сумасшедший, которого не касается происходящее вокруг.

Его задумчивость длилась всего лишь несколько секунд.

- Что это, солдат? – спросила его Читка, хрупкая девчонка с робким взглядом, поцарапанными коленками и соломенно-русыми волосами, которые редко встречались на этих широтах.

- Бомба, дитя, – ответил он. – Бомба многоразового пользования.

- Эх, солдатик, ты голова! – воскликнул Ицко. – Опять их сотрешь в порошок, как тогда, за Домом Ометекухтли, знаю я!

Дом Ометекухтли был религиозным архитектурным ансамблем, посвященным вездесущему миштекскому богу, чье прозвище в приблизительном переводе было „Хозяин нашего бытья”. Там, после побега из самого густо населенного столичного района, чтобы спасти двадцать душ маленьких существ, Святой солдат отнял других двадцать – души тех бывалых бойцов, шедших за ним, чтоб остановить..

Вспышка радости Ицко была как пламя ледяной свечи.

Святой солдат не ответил сразу. Наконец сказал:

- Подождем их здесь.

Не стал объяснять, что им ничего другого не оставалось.

Абсолютно ничего.

Время шло. Контурь машин растекались среди клубков фиолетовой пыли. Десятки расплывчатых призраков из мельхиора и других незнакомых сплавов, которые даже не оставляли колеи за собой. Они с рычаньем пошли на охоту за ним, и это был, пожалуй, единственный знакомый им вид охоты.

- Солдат, а у тебя есть сыновья? А дочурки?

- Они тоже на ферме растут?

- Почему твои погоны с крестами? А вензеля? – Загодя он показал им свою униформу.

- Что такое причастие? А правда, что вы пьете кровь своих богов, вместо того, чтобы они пили вашу?

- Как зовут твоих жен? – спрашивали дети, спрашивали без умолку. – Что им даришь ты в дни радости?

- Розы, – ответил он.

- Розы? – удивлялись они. – Что такое „роза“?

Был еще один трудный вопрос – Ицко задавал его не раз на своем диалекте, который относился к общему языку *науатл*. „Что происходит с вашими детьми после того, как они вырастут? Потому что у нас каждый восьмой ребенок идет в школу, а остальные...“

Преследователи были уже совсем недалеко. Их силуэты выплыли среди клубков пыли.

Теперь дети молчали. Округленные глаза некоторых из них оставались сухими. Другие тихо всхлипывали. Стояли, с вцепившимися в колючую проволоку пальцами и смотрели туда, к родителям, пришедшим избавить их от него.

Вдруг Читка схватила его за брюки.

- Ты ведь не допустишь нас поймать? – прошептал Ицко.

- Нет, генерал, – отозвался солдат. – Нет, мой мальчик. Я вас просто так не отдам. Я никогда б не сделал этого!

Фиолетовая пыль навеивала безнадежность.

Вор детей посмотрел в последний раз на свое завоеванное живое богатство. В его глотке застрял ком.

Он опустил ладони на детские плечи и медленно выпрямился.

Десять дней спустя

его привезли в престольный город связанным веревкой. Сначала привели к врачу, который дополнительно пристегнул его турникетом, после того, как на всякий случай поковырял в ранах грязным пинцетом. Потом отправили под конвоем в какое-то имперское ведомство, где регистрировали как военнопленного и выдали ему временной документ личности на пластмассовых листах. На каждом пропускном пункте останавливали и пробивали туда дырку. Задержались у здания Министерства смерти, где один из сопровождающих вошел навести справку. Он вернулся оттуда после четверти часа с инструкцией и арестованного снова повели куда-то, надев перед тем на его шею что-то вроде хомута в форме подковы, длиной в полметра и шириной около тридцати сантиметров. Сквозь дырочки в нем были просунуты несученные веревки из горькой куи с узлами в концах, которые сторожи скрещивали так, что верхняя половина его тела была почти обездвиженной. Зашагали по дороге, *о-тли*, а прохожие подсматривали на них краем глаза. Никто не бросил камень в него, никто не нагрубил ему, не случайно их слово для пленного переводилась еще и как „мой любимый сын“. Ведь в его венах текла кровь – пища богов – и наверное ему будет оказана высокая честь быть откормленным, обученным играть на флейте, выбрать себе красивую девушку в невесты, и только после этого с него сдерут шкуру заживо или вырвут сердце – судьба, которая у обыкновенных граждан могла вызывать только зависть. Бежавшие рядом сорванцы однако шутили над ним, кололи его оголенными проводами и булавками, выпучивали выразительно глаза и показывали ему кукиш – символ, очевидно понятен любой человеческой цивилизации.

Прошли мимо богатой витрины одного из сети магазинов, предлагающих все для покойников.

Святой солдат видел их и раньше, но и теперь, как и тогда, не смог сдержаться взглянуть. Для более состоятельных обеспечивали полное мумифицирование, а для нищих – только копчение и сушка головы дорогого мертвеца. Солидные базальтовые урны, напишканными мелкими орнаментами и иероглифами на шлифованных поверхностях, неудержимо заманивали пыль кремированного на костре из сухой куи. Выставлены на показ были и макеты гробниц, всмотревшийся в которые без труда распознавал искусственное, но искусное подобие пещерам.

Наконец они вышли на широкий бульвар и оказались перед вздернутым в небеса носом императорского дворца – вершины монументальной архитектуры. В его каменную макушку были вбиты знамена из золотых сетей. Подданные федерального района звали своего повелителя Шокоицином, т.е. Младшим. На секунду Святой солдат забеспокоился, что его заставят подняться по всем обрызганным кровью и украшенным вереницей настоящих и кварцовых черепов 365 ступеням восьмьярусного здания, каждая из которых отвечала одному дню миштекского солнечного года. Но вместо того его повели к пышному лифту, похожему больше на паланкин, и передали вахтеру с улыбкой под разбитую банку и голым пузом, подпоясанным кобурой, в которую была запихана малокалиберная двустволка. Тот загнал его в кабину лифта, и они поднялись неведомо в какую высь, учитывая насколько высоко в иерархии этой культуры стоял Шокоицин. Над ним были только Ометекухтли и его жена, которые обитали тринадцатый небесный этаж и давно забыли о человеческих делах.

Его ввели к повелителю Шокоицину через огромную дверь. Петли приоткрыли ее со скрипом бедренного сустава, сломавшегося пополам. Не ожидая сигнала, присутствующие сановники удалились шеренгой, оставив их наедине. Никто не схватил его за хомут и не стал толкать его, из чего следовало, что от него не требовалось стать на колени или броситься в ноги Самой-самой-самой высшей особы в этом негостеприимном государстве.

Император как раз заканчивал свой обед.

- Ты голоден? – спросил Шокоицин. Вопрос его был провокативным, улыбка – кривой. Его мучила мигрень, и его скорее тошнило, чем хотелось есть. Даже жевательные мускулы челюсти одеревенели от головной боли. Череп его был умышленно деформирован в соответствии с пониманием его народа о красоте, а зубы его, *тлан-тли*, были украшены пластинками из нефрита.

Святой солдат ощутил спазм своей жадной желудочной полости.

- Нет, – с отвращением покачал головой он. Виски его пульсировали. Он сверхусилием заставлял себя не заглядывать в фосфорические блюда с неоновыми ручками и не рассматривать объедки.

Владелец вытер пальцы об слюнявчик из куи. Его коричневые одежды, с богато окрашенными узорами и торжественными кружевами были из той же куи, единственного здесь растения, напоминающего лен или коноплю, из которого шили одежду, вязали циновки и покрывал, но оно не было съедобным. Некоторые из его разновидностей даже выделяли липкий ядовитый сок.

- Ты знаешь, кто я? – спросил Шокоицин.

- Знаю, – ответил Святой солдат. – Эль. Кронос. Сатурн.

- А эти кто? – и, не дожидаясь ответа, он отодвинул в сторону свой терракотовый прибор. Потянулся рукой за кувшином с минералкой и выпил ее большими глотками. Боль сжимала весь затылок, как в тисках. Он приподнялся с золотого стула с фигурками уродливых мальчиков. Его одежда была увешана всевозможными украшениями. Неясно было которые из них имеют эстетическое и которые – функциональное назначение. Один черт может сказать, например, чему были предназначены эти заполненные инертным газом шланги и трубочки, которые неугомонно струились слюнявым светом и словно огибали пространство вокруг. Его достолепное одеяние было образцом изящества и четкости.

Шокоицин повернулся и снова наполнил кувшин. Потом с трудом покинул спинку стула, заковылял по бирюзовому полу к нему и поднес кувшин к его обсохшим губам. На этот раз Святой солдат не отказал. Он вылакал воду и почувствовал себя только что политым цветком.

- Там, откуда ты пришел, ... где бы оно ни было, ты был отцом?

- Нет, моя супруга была бесплодной.
- Понимаю. А в этом городе мно-о-ого детей, так ведь?
- Объяснить не так уж просто. Я...
- Молчать! Ты поднял руку на наше потомство. Кража детей - это возможно тяжелейшее по нашим законам преступление и карается смертью. Но не такой смертью, которая отправила бы тебя счастливым на небеса, а презренной виселицей, когда ты не сможешь отдать кровь и сердце свое всевышним, потому что целостность твоей плоти останется нетронутой.

Шокоицин вызывающе смотрел на него. Сознал ли этот незнакомый человек, о чем идет речь? В империи миштеков смерть занимала место, важнее чем жизнь; она могла быть как унижением, так и наградой за дела подданного. После исполнения приговора, Святой солдат был бы предан вечному позору. Казнь виселицей была одновременно «вылуплением», отменяла право загробного существования. Не было и быть не могло ничего более страшного лишением права быть принесенным в жертву на алтаре богов и тем самым не позволит душе твоей оказаться в солнечной стране Тлалокан.

- Зачем тебе они, эти двадцать детей? – прошептал неожиданно солдат. – Чтобы они присутствовали на твоём столе?

- Ты что, издеваешься? – ошетинился император.
- Вовсе нет.

Какое-то время они измеряли друг друга взглядами.

- Меня известили, что тебя нелегко было поймать... - сказал наконец Шокоицин. – Многие из наших оставили свои кости в той безводной равнине.

- Да, – ответил с удовольствием Святой солдат. – Их было весьма немало.

- Детвора назвали тебя „Человеком, который выбрал войну”. Чем ты заманил их пойти с тобой? Собирали их по дороге, похищали их из ферм на окраинах, так, что ли? - Он ткнулся лицом в его лицо и обжег своим дыханием. – Шастят ли и другие изверги вроде тебя по моей стране?

- Я всего лишь простой рядовой, шедший в разведку. Но очень скоро вслед за мной появится десантный отряд Эрнандо.

Император поднял правую бровь. Очевидно, это имя ему ничего не говорило, также как и предыдущие.

- Эрнандо? Да кто это такой?
- Лейтенант из пехоты. По случайности приходится моим дядей. Он солдат лучше чем я.
- Сколько человек с ним?
- Около трехсот, если считать и дружина наемников тласкаланов.

Шокоицин громко рассмеялся, несмотря на боль, угнетавшая его.

- Твой дядя, наверное, совсем с ума сошел. Даже и без дополнительной мобилизации моя регулярная армия на данный момент насчитывает около трехсот тысяч хорошо обученных бойцов, не говоря об остальных войсках конфедерации! Наши пулеметчики и наши переносные лазерные установки раздавят его отряд еще на границе с Аскапоцалко. Или он придет с Еекатепека? Ты мне не ответишь, знаю... - Вдруг он вспомнил о чем-то. – Мне доложили, что сразу после того, как тебя поймали, твое транспортное средство обвилось темно-желтым сиянием и распалось на кучу из искр?

- Предохранительная мера, чтобы не попало в чужие руки. Мне запрещено говорить, как это происходит.

- А откуда ты так выучил наш язык?

- Ваши учебные пособия, предназначенные для все новых и новых жителей империи, мне

оченьгодились. Я накупил себе словарей и разговорников в Олмекане, родине письменности. Кроме того, есть и один гипнотический способ – запоминать, когда спишь. Как видишь, наши медики не хуже твоих потомственных шаманов.

Пока говорил, Святой солдат смотрел через нестандартно раскроенный лист стекла ближайшего окна, часть концепции безымянного архитектора о „текущем пространстве”, при которой и время включено как компонент. Многомиллионный город был расположен на острове среди соленого озера, на поверхности которого поблескивали белые кристаллы. Набережные насыпи связывали его с соседними поселениями, брюхо города было полно каналами и клокочущими гофрированными трубами (которые были разные по форме, но не и круглые по всей длине), а висячие мосты тянулись с одного строительного модуля к другому. Фундамент некоторых зданий был прямо в воде. Железо являлось одним из основных скелетных и формообразующих элементов многоэтажных металлоконструкций, стройка которых подчинялась требованию исполнить все прямыми линиями, изгибами и углами. Пирамидальные храмы, *теокалиши*, воняли копаловой смолой, которой священнослужители кадили во время жертвоприношений. Среди этой окаменевшей математики поражало обилие полудрагоценных камней, используемых для украшения множества мозаик. Святой солдат увидел, как татуированные с головы до пят блюстители порядка с обсидиановыми парадными ножами и дубинками на поясе брызгали слезоточивым газом горстку демонстрантов внизу, которые скандировали перед мемориалом жречества в поддержку идеи о переработке фекалий, с целью их использования в качестве съедобных продуктов. Гвардейцы выпячивались у постамента с бьющимся сердцем, в аорте которого были монтированы специально опрыскиватели, разбрасывающие кроваво-красные струи на все стороны. Говорили, что некоторые родители нарочно калечили своих детей, чтобы устроить их в музей человеческих уродов. Он был придуман самим Шокоицином, и возле него всегда стоял в очереди народ, в то время как перед Обсерваторией и окруженной клубами по интересам ступенчатой Академией искусств редко появлялись люди, даже когда вручали призы победителям всенародных поэтических конкурсов, организованных религиозным реформатором - принцем Несауалкойотлом. Там, однако, часто наведывались штатные шпионы и культурные революционеры при кобурах, посланные Министерством внутренней стабильности. Даже и отсюда, из окна с хромированными рамками над 365-ой ступенью, человеку казалось, что слышит гвалт из так называемых домов песен и шумные крики из стадиона, где играли нечто вроде мезоамериканского эквивалента баскетбола. Некоторые из домов удивляли, так как были похожи на игральную кость, брошенную на ребро, а их стены были исцарапаны замысловатыми надписями. Везде отталкивающее шло рядом с гротеской.

- Вернемся к вопросу „Ты откуда?” – прочистил горло император, тем самым напомним ему о своем существовании. Он достал какой-то прибор со шкалой, вставленный в коробку из прессованной куи, с намерением следить за его показаниями, пока длилась вторая фаза допроса.

Святой солдат, видимо, был в затруднении.

- Я оттуда, откуда пришел несколько столетий назад единственный белый бог в вашем пантеоне. Из Земли восходящего солнца, которая находится далеко за океаном.

Шокоицин сжал губы, вглядываясь в измерительную шкалу.

- За пределами Великой воды нет ничего, – возразил он. – Это известно каждому более-менее нормальному индивиду. Ни один из наших путешественников...

- Ваши путешественники – навоз, – прервал его Святой солдат. – Ваше кораблестроение никуда не годится. Вам не знакомо даже колесо.

- Что? – опомнился Шокоицин. Боль пронизывала тыльную область его мозга. Что касается Святого солдата, то он был совсем истощен и еле стоял на ногах. В его груди хрипело и свистело. Вопреки всему он заставил себя заговорить вновь:

- Среди вещей, которых у меня конфисковали при обыске, есть один предмет, подобный вашим голосовым устройствам. Аккумулятор сел, и поэтому он выключен, но пока функционировал, я связался с Эрнандо и ознакомил его с фактической обстановкой.

- И где он теперь, этот твой Эрнандо?

- Он покинул берег, где высадилась наша пехота и уже идет сюда.

- Да кто его приглашал?

- Никто. Мы представители христианского племени, обитающего материк за пределами гигантского стерильного океана, которого вы называете Великой водой. Тот материк был обитаем с незапамятных времен, еще до заселения этого. Оттуда много 52-летних циклов тому назад пришли и ваши предки, хотя вы уже давно забыли правду об этом.

Император схватил коробку с беспроводным детектором лжи, которую сам он активировал чуть раньше и разбил ее в пол. Разлетелись пружины.

- Правду? – крикнул он. Его ожерелье из жемчугов величиной яйца перепелки и ювелирные украшения, состоявшие из 900 звеньев, яростно раскачались. - А я думаю, что ты пытаешься меня обмануть! Мнение моих экспертов никак не соответствует твоим сказкам! Оно отличается от тех небылиц, которыми ты морочишь мне голову уже полчаса. Кто тебя послал к нам? Отвечай! И не пытайся вешать мне лапшу на уши!

Святой солдат покачал головой.

- Кому ты служишь? – мрачно спрашивал его император. – Северянам или южанам? Соединенным ирокезским штатам, чей главный вождь Та-Иа-Да-К-Ву-ку получил волдыри на языке, уговаривая меня, что хочет заключить Не-Скен-Нон, Великий мир, а за моей спиной строил планы о союзе с апахами Мангаса Колорадаса, чтоб продать им свои некачественные лазерные ружья? Или, может быть, ты служишь Инке Уайне Капаку, владельцу нашей соседки, империи Тауантинсуйо? Его секретные эксперименты в высокогорных полигонах и испытания химических оружий в Андах не являются секретом ни для кого. Или ты шпион, жадный на золото того кретина, короля Эльдорадо? Так и прет рассказывать насколько он богат, а на самом деле казна его пуста...

- Ты не понимаешь, – сказал в отчаянии Святой солдат. – Грядет время перемен. Скоро все изменится. Если сегодня твои подданные боятся посмотреть тебе в глаза и считают тебя живым божеством, завтра они могут забросать камнями до смерти!

Внезапно монарх чихнул так, что весь растрясся. Лицо его стало красным от гнева.

- Ты тот, кто нас погубит! – крикнул он яростно. – Твое появление уже принесло нам несчастье! Вот, теперь проклятие перекинулось и на меня! Что это за чудо, которое распространяется по воздуху и морит нас?

Святой солдат улыбнулся грустно. Видно было, что он был истощен до предела.

- Маленькие живые существа, известные как вирусы, – ответил он. – Они настолько малы, что не видны невооруженным глазом. Они являются причиной возникновения болезненных явлений, таких как кашель, насморк, отхаркивание. За ними на вас нагрянут грипп, сифилис, оспа... Поразят многих и в конечном счете они не выживут. Просто с непривычки. Поколения нужны, чтоб создать себе иммунитет и приспособиться.

- Ты принес все это, правда? – Это не был вопрос, а констатация. Император рухнул на свой блестящий стул, понурив голову. – В тебе нет ничего человеческого, – простонал он. – Знаешь ли ты, что это уничтожило и некоторых из детей, кто ты тащил с собой? Например, того мальчика, Ицкопоцакла...

Святой солдат зажмурился. У него кружилась голова. Ему хотелось плакать. Может быть, наконец, он сможет понять, что такое заплакать.

- Я полагал, что именно так и произойдет, – произнес глухо он. – Но у меня не было другого выбора. Никакого другого выбора не было... Ты должен любой ценой услышать то, что я хочу тебе сказать. У меня есть предложение...

- Никаких предложений не буду слушать! – закричал монарх, наежившись, и его крики проглотили слова солдата. – Даже если нежелание выслушать эти предложения приведет этот мир к краху!

- Речь идет о чем-то важнее жизни... – бормотал несвязанно солдат. Звук ломающегося бедренного сустава снова раздался в зале. Откуда-то выскочили два палача и схватили его под

мышки.

- Немедленно – орал повелитель миштеков – тебя выведут во внутренний двор этого здания, и ты будешь повешен в назидании всем. И для этого не нужно решение Верховного совета, так как в моих полномочиях осудить тебя и приказать немедленно привести в исполнение приговор. Будь ты проклят! Отнимаю у тебя право подняться по лестнице храма и быть принесенным в жертву на алтаре богов. Ты будешь обречен на всеобщее презрение, и ногой не ступишь в солнечную страну! Нигде не найдешь вечного покоя. Наши жрецы культа хотели вынуть твое сердце, но оно из железа. Никто не нуждается в твоём холодном сердце! – Щипцы боли рвали куски мяса с его затылка, а раскаленные вертели вонзались прямо в мозг. И никакие зелья и компрессы дипломированных миштековских знахарей не были в состоянии избавить его от страдания.

Потащили Святого солдата на улицу. Они волокли и болезненно били по почкам. Даже не воспользовались лифтом. Они вели его по *мишкоатле*, пути мертвых, с которого не было обратной дороги. Тащили его вдоль конструкций из металлофарфора и серебробетона, обернутых жестью цвета тела, прошли мимо студии для трепанации и кухни имперского повара, обрызганной кровью младенцев, встречали мириады дворцовых служащих в златотканой одежде, спускались все вниз, вниз и вдоль прямых линий, изгибов и углов. Совершенные вентиляционные шахты жужжали тихо, а шахта лифта гудела – нескончаемые звуки, усиливающие ощущение нереальности происходящего.

Они оказались перед быстро нарастающей толпой и его подняли на стульчик. Мимо них с ревом промчался фекаловоз на воздушной подушке. Он мчался к септической пустоши за пределами белесого соленого озера. Там были накоплены коричневые горы извержений, которые уже высохли и не разлагались. Пожелтевшие облака над ними напоминали разлитое по небу подсолнечное масло. А как только пойдет дождь, с них пойдут жирные грязные капли и расплзутся ручьи гнуса, смешиваясь с лиловой безнадежностью. После высыхания они образуют чудные и может быть даже красивые узоры. А тем, кому захотелось бы вторгнуться в город, чтоб завоевать, пришлось бы идти по пояс в пестрой, вонючей и чмокающей грязи.

Блуждающий взгляд осужденного скользил по лицам людей вокруг него, а они, в свою очередь, изучали его истощенную и обветренную физиономию. Никто из них не подозревал, что в дверь уже стучится *йаойотл*, как называли войну на самом распространенном местном диалекте.

На мгновение Святой солдат взглянул вдаль, за пределами конечной цели фекаловоза и плантаций куи. Проклятый мир без единого куста, без единого зверя, без единого микроорганизма в нем. Ну, последнее уже было неправдой.

Две проворные руки сняли с легкостью его кожаный ремень, просунули свободный край через пряжку и оформили петлю, которой пристегнули его шею.

Через его голову пробежала садистическая мысль:

„Для нас есть две дороги: либо преступление, которое делает нас счастливыми, либо эшафот, который мешает нам быть несчастными.”

Читал ли он ее где-то или она возникла в его собственном уме?

Солдат собрал последние силы.

- Люд, – возвысил голос он, – там, откуда я пришел, есть вещи, называемые растениями и животными. Если вы послушаетесь меня, никогда больше не будете вынуждены – он с трудом заставил себя выговорить слова – кормиться собственными детьми, чтобы могли существовать. Опять будете растить их, но уже не в фермах... Ваши жены не будут служить вам только для приплода, а...

Экзекуторы пнули стульчик под ногами, и он повис.

На этом зрелище кончилось.

- Кто-нибудь понял, откуда пришел он? – спрашивали друг друга собравшиеся, в основном пожилые людишки со смуглыми лицами. Они окружили с любопытством повешенного, а он как будто отделился от себя и посмотрел на себя со стороны:

...Теперь он шел вдоль длинного зеленого забора. Он оставил далеко за собой восьмиугольные пятнадцатистены, каналы с хромированными экскрементами, арматурную слизь, пломбированные

слезы. Тьфу! Такой опухшей гадости во всей истории фекалий не найдешь. Не хотел и слышать больше о Теночтитлане и его трижды неблагодарных жителях. Прощай, Теночтитлан, столица красного и черного цвета!

Он неумоимо шел вперед. Намедни он посадил рядом с собой молодого Ицко и разрешил ему идти неверным шагом. Он шел – разрушенный удалец с руинным щитом, с обезлистьевшей грудью и в скромном настроении, его симпатичный маленький спутник был не прочнее тени, оказавшись без капельки влаги под ссохшейся кожей. На десятый день к вечеру силуэты пирамидальных зданий за ними вздрогнули Господним грохотом, через чешуйчатую штукатурку пробилась шероховатая кора будущих гигантостволовых деревьев, а обитатели города, заодно со своими криками, постепенно превратились в настоящие, вполне настоящие мицелии.

Святой солдат и молодой Ицко вздрогнули, но не обернулись посмотреть что происходит и не замедлили шаг. Лес, возникший за их общей испуганной спиной, сросшийся после вздрагивания, был старым, тенистым и душистым, как Средневековье. Странно – именно теперь – какой-то лес. Электрические лампочки светились отраженным обманчивым светом витаминозных глобусов. Тонкокорые твари и живительные сферы одевались в красках.

За забором, конца которого не было видно, уже начал торжественно мычать рогатый скот. Время от времени через зазоры подглядывали блеющие бородатые козлы, а жирные свиньи следили пристально за ними поднятыми веками. И все эти твари, как и множество других животных и пресмыкающихся, как будто высыпались из чудодейного рога изобилия. Или из мифического ковчега Ноя.

Когда зеленые ребра бесконечного забора все же прошли мимо, молодой Ицко показал рукой перед собой, к широко раскинувшейся голой равнине, и произнес что-то с гримасой, точь-в-точь как жаждущий аплодисментов цирковой клоун, который наконец увидел свою дощатую эстраду.

Вдали покачивались Белые пятки повешенного и Черная ворона, севшая на его плечо.

Вдруг солдат остановился озабоченно. Понюхал небытие.

Услышал виселицу и Увидел, что босяку-смертнику хочется пить, что его Естество умирает от жары, а Плоть его рождается под клювом крылатого скульптора.

Все это он понял, Но ветра не ощутил.

Еще десять дней спустя

в город вошел Эрнандо Кортес, который был лучшим солдатом, даже лучше Святого солдата. И был он не один.

Перевод: Красимира Петрова
Редактировал: Христо Граматиков

Александр Карапанчев

НА КЛАДБИЩЕ ДАМПЕРА

В ста двадцати километрах юго-восточнее Сан-Франциско приткнулся заурядный пятимиллионный городишко со звучным названием Аболидо. От своих многочисленных братьев-близнецов, разбросанных по всему земному шару, он отличался разве что соседством с вольфрамовыми рудниками, запасы руды в которых были наполовину исчерпаны, да Национальной библиотекой поэзии.

Однажды директор библиотеки Стапен Кройд, ворвавшись в свой кабинет ни свет ни заря, немедленно бросился к видеофону. Дожидаясь, пока его свяжут с другом детства, а ныне начальником городского Штаба спецподразделений борьбы с шумом Халиджем, он нервно барабанил кулаками по столешнице письменного стола.

Несмотря на то, что в ушах у него находились антишумовые тампоны, а стены кабинета были облицованы хваленными изоляционными панелями, Стапен Кройд вздрагивал от грохота поездов, несущихся по многочисленным городским линиям. Над его головой ни на секунду не умолкал рев пролетающих самолетов, где-то по соседству протяжно выли корабельные сирены, доносились какофония радио и стереовизионных программ. Сводили с ума звуки бьющихся тарелок, визг режущих жесть механических пил, отвратительно всхлипывала расположенная неподалеку пилорама, и директору казалось, что от всего этого в голове у него с треском лопаются кровеносные сосуды.

На экране блеснули погоны Халиджа, и только потом всплыло его треугольное лицо с узкой полоской бескровных губ.

- Хелло, Кройд! - полоска скривилась в улыбке. - Что нового?

Кройд передернулся, заметив, каким леденным взглядом начальник штаба оценивающе скользнул по антишумовым тампонам, по набрякшим под глазами мешкам. Накатило желание запустить в экран чем-то тяжелым, как будто это было окно, за которым торчала бесстрастная физиономия Халиджа.

- Не ори так! - процедил Кройд. - Твоя служба работает безупречно, так что слова из твоей плотки я воспринимаю непосредственно своим мозгом!

- Короче? - не дал ему продолжить Халидж. На крышу кто-то сыпанул сотню тяжелых стальных шариков. Рывкнула электрогитара, немилосердно скрипя на поворотах шинами, промолчалась полицейская машина. От своего этого барабанные перепонки в ушах Кройда вибрировали так, словно по ним дубасили палицами.

Медлить было нельзя, Халидж мог в любой момент отключиться. Издав звук лопнувшего протектора, Кройд проглотил подступивший к горлу комок. Под холодным взглядом начальника штаба он чувствовал себя весьма неуютно. Но не будь они друзьями детства, директор не мог бы рассчитывать и на такое внимание.

- Немедленно пришли ко мне своих людей! - выкрикнул Стапен. - Мой патрон перестал действовать за полгода до указанного срока, я на грани безумия!

- Понятно! - ответил Халидж и тут же отключился.

Директор вытер со лба пот, который немедленно проступил снова. Ему казалось, что тело его плывет в вибрирующем воздухе. Нервы, с корнем вырванные наподобие сорняков, жили какой-то своей, отдельной жизнью. Он чувствовал, что зажат между отбойными молотками, ревущими на крутом подъеме грузовиками, рыданиями, хохотом, воем, визгом музыкальных инструментов, бесконечно развивающих смертоносную для любой мысли тему.

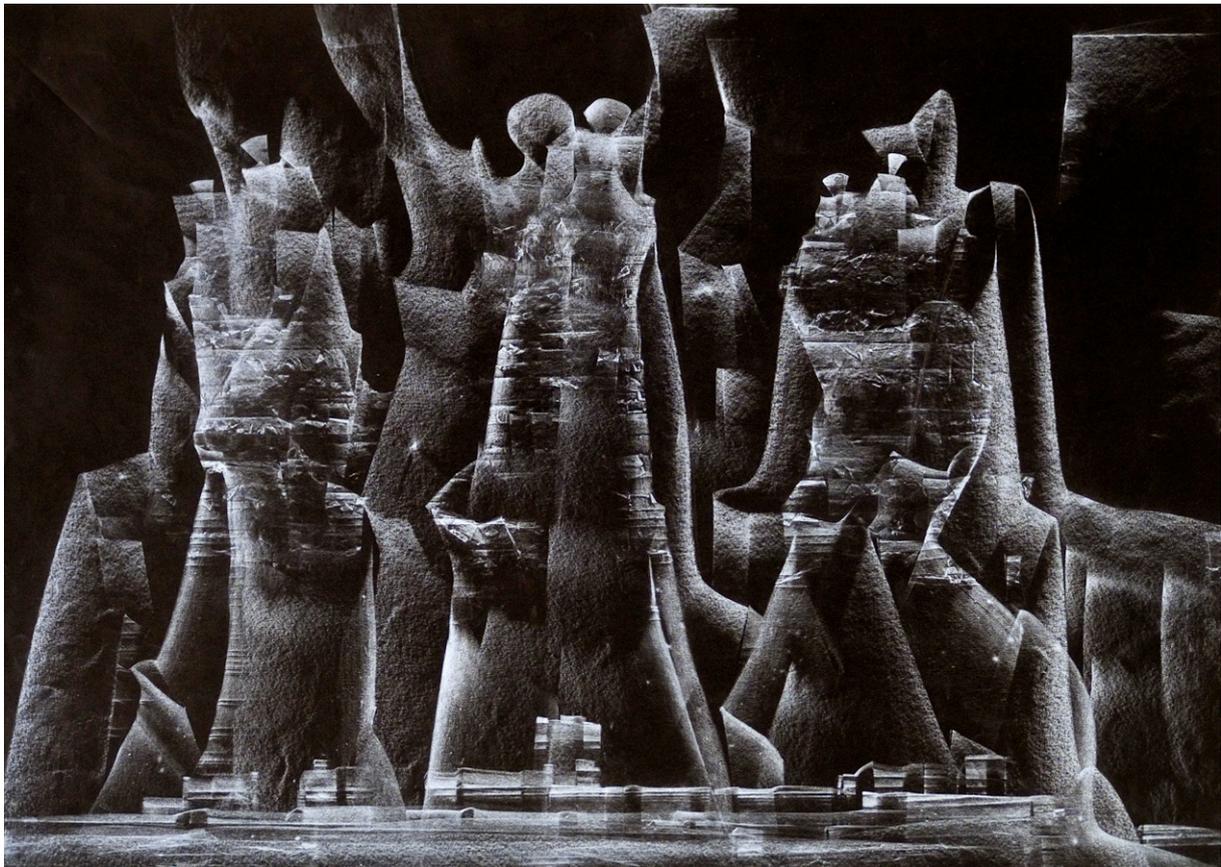
„Конечно, все это плод расстроенного воображения, - со вздохом признался он себе. - Стоило одну ночь провести без патрона, и вот, пожалуйста, хоть хорони себя!» Воспаленный мозг услужливо нарисовал ему картину: скрежещущие зубчатые колеса медленно, с наслаждением перемалывают время, его нервные клетки, взгрызаются в истерзанное тело, выбрасывая кровавое месиво - останки директора Национальной библиотеки поэзии.

Все это началось накануне вечером, часам к семи. Вначале до него донеслась песенка, распеваемая сотней глоток на разных языках и рассказывающая о разных эпохах, рекламирующая пляжи, на которых после отлива остаются гирлянды водорослей, крабы, разбитые судьбы людей. Потом к звукам песенки примешался звон битого стекла, рычание бетономешалок и ровный гул печатных станков величиной в статуи с острова Пасхи. Невидимые ему люди о чем-то спорили, ругались, скандалили, что-то невнятно бормотали, одним словом, обрушивали на него какие-то обломки общения, сводящие с ума своей фрагментарностью и, по его рассуждению, совершенной бессмысленностью.

Поднимаемый ими шум не был приглушен теми изоляционными средствами, которыми был напичкан его кабинет. Такие же средства имелись и в его квартире, однако как только патрон вышел из строя, полифоническое поле Дампера изменилось и уже ничто не могло помочь. Все звуки доносились в своей первозданной чистоте. Жена и дочь постоянно брякались в обмороки. Звонить в больницу было бесполезно - там его голос прозвучал бы не членораздельное раскатов грома. В таких случаях медицина умывала руки. Сесть за руль аэромобиля в таком состоянии мог только самоубийца. Не до конца изученные эффекты Дампера грозили непредсказуемыми последствиями. Нечего было думать и о том, чтобы сходить в гости к родственникам или друзьям, из-за гула в ушах общение с ними превратилось бы в пытку. Он почувствовал себя изгоем в этом мире. Упав ничком на ковер, он ждал, когда противозумовые спутники освободят его от этого кошмара, хотя и знал, что это произойдет только на вторые сутки.

На то, чтобы вырваться из этого ада, ему будут отпущены считанные минуты.

Он катался по полу как паралитик, чувствуя, что помимо воли весь превращается в слух. „Ага, - говорил он себе. - Это сверхзвуковой самолет. Двадцать мотоциклов, достаточно, чтобы разбудить население всего государства. Плачет младенец. Ясно, семья живет в дешевеньком жилище. А эти ругаются, интересно, из-за чего? Это мультисинтезатор. А вот заговорили пулеметы. И вроде как гаубицы. Так-так, это уже похоже на взрыв в Хиросиме. Хлопанье дверей. Спускают воду одновременно в сотнях унитазов. Барабаны. Детский праздник, взрослые на балконах. Стартовали машины на ралли. Работают прессы. Включили компрессоры. Артист перед микрофоном расстегивает молнию на груди - звук такой, словно лежишь между колесами локомотива. Опять кто-то ревет, сопли пускает. Смеются соседи. Включена шлифовальная машина. Лесо-

пилка заработала. Передают дискомузыку. По второй программе идут новости. Стук вилок. Женщина зовет какого-то Жоржа. Старт ракеты...»

Интересно, кто-нибудь еще в Аболидо слышит все это? Ответить себе не смог, голова была набита децибелами вместо мыслей, к тому же звуковая болезнь у каждого протекает по-разному. Действительность могла предложить богатое разнообразие звуков - та, которую ты обнимаешь, могла слышать бульканье в водопроводных трубах, а ты - рев клапанов, тишину или скрежет танковых гусениц по мостовой. Загадочную роль во всем этом играли такие вещи, как профессия, возраст и характер.

Неожиданно раздался нежный голос скрипки. Это было равносильно тишине, вот она - разрядка в поле Дампера. Кройд нервно захихикал. Когда ему удалось справиться с приступом, от которого заныли голосовые связки, он с удивлением установил, что скрипка продолжает петь, наводняя все вокруг прекрасными, как лунный свет, звуками. Догадавшись, что он уже давно слушает мелодию и может пропустить время разрядки, Кройд вскочил на ноги и бросился на улицу. Чувствуя себя совершенно разбитым, он с трудом передвигал ноги. О том, чтобы воспользоваться своим аэромобилем, не могло быть и речи. Время было без пятнадцати три.

Улицы Аболидо постепенно пустели, отдавая себя во власть дежурных реклам. Лунный циферблат, повисший над перекрестком, напоминал пылающую медузу, перетянутую черным поясом. Не чувствуя холода, Кройд тащился через город. В душе его kloкотало чувство благодарности. За жизнь, за царившую вокруг тишину. Пока он к ней не привык, она до боли резала ему слух. Теперь в его воспаленном мозгу оформился план - результат нечеловеческих усилий. Заключался он в том, чтобы провести остаток ночи на улице, а дождавшись восьми часов, из своего кабинета позвонить Халиджу - городской штаб был оборудован противозумовыми фильтрами, поэтому Кройд надеялся, что начальник сумеет разобрать его слова. Сначала он подумал о том, чтобы заявиться в библиотеку пораньше, но потом решил, что слишком ослаб от пережитого и любое даже случайно возникшее в замкнутом пространстве искажение поля может стоить ему жизни.

Сознавать, что к нему вернулось нормальное зрение, он начал только тогда, когда вдруг стал замечать на улицах и других субъектов. Словно во сне они блуждали по городу. Никто ни с кем не пытался заговорить, каждый старался восстановить силы во внезапно наступившей тишине. Молчаливо движущиеся фигуры напоминали кукол. Даже очень зоркому глазу было бы нелегко обнаружить у них черты индивидуальности. То тут, то там мелькали патрули спецподразделений борьбы с шумом, дунапреновые костюмы патрульных казались втрое толще обычного. Они были вооружены воронками, всасывающими в себя мельчайшие частицы шума. Стапен Кройд знал, что в спрессованном виде они поступят затем в специальные контейнеры, выстреливаемые в космос. Другого способа избавиться от них не существовало.

Побродив около часу в компании себе подобных, Стапен Кройд устроился на скамейке в безлюдном парке. Свою ошибку он понял уже через секунду. Тысячи пишущих машинок мгновенно набросились на него и неистово застучали, затрещивали, заскрежетали. Каждый из этих ударов посылал в нокаут какую-то клетку нервной системы. Привилегией быть абсолютно глухими обладали в его мире только покойники, директор же ничем не отличается от миллионов своих сограждан, обострившийся слух которых регистрировал даже царапанье ногтя по одежде на расстоянии ста метров, достаточно звуку было попасть в одну из бесчисленных Дамперовых впадин.

Собрав остатки воли, Кройд ринулся вон из парка. Шквал звуков отступил. Вновь заструилась мелодия скрипки. Зрение вернулось к нему, в призрачном свете луны он видел выбегающих из переулков на площади несчастных жителей, попавших, как и он, в очередную звуковую ловушку. Несколько раз спасавшиеся от умопомрачения больно толкали его на бегу.

Кройд последовал их примеру, локтями прокладывая дорогу, вырываясь из подстерегавших повсюду капканов. На отдельных бульварах оглушительно трубили боевые трубы, гудели ткацкие станы, ревели тракторы, лязгали гусеницы бронетранспортеров, визжали электропилы, с оглушительным шумом щелкали перфораторы. Ему попадались тротуары, ступив на которые он слышал шипение масла на жаровнях - кухни-комбинаты готовились кормить население. На

многих улицах невидимые работники заколачивали гвозди, простукивали жестяные конструкции аэромобилей. Перед одной башней жилого дома кто-то щелкал бичом, иерихонский бас погонял неизвестно откуда взявшийся здесь табун лошадей, в соседних домах шипели исполинские пульверизаторы, гремели аплодисменты, в спортзале гоняли мяч. Время от времени доносился грохот сорвавшихся карнизов, падающей черепицы, обрушившейся стены.

Изгнанные всей этой какофонией из своих домов аболидцы вырывались из таких зон как из пламени, и, переведя дух в районе относительной тишины, неслись дальше. Забрезжил рассвет. На улицах появились дополнительные бригады спецподразделений борьбы с шумом. Кройд вдруг понял, что до этого принимал их машины за перебегающих с места на место людей.

Жители по-прежнему невозмутимо проходили мимо, вырвавшись из тисков будничной полифонии или окунаясь в нее. Над ресторанами, магазинами и учреждениями горели индексы: 30/20; 5/2; 0/0 и т.д. Первые цифры обозначали минуты нормальной звуковой картины, гарантированной посетителям противозумовыми установками. Последние указывали, через какое время их ждет столько-то минут сюрпризов, связанных с изменением поля Дампера. В большинстве случаев патроны надежно защищали людей лишь в узком семейном кругу. Индексом О/О были снабжены объекты безнадежно устаревшие, брошенные на произвол судьбы.

Стапен перекусил в кафе, на вывеске которого красовался индекс 50/60. Жуя сэндвич, он непрерывно поглядывал на бегущие цифры - 25, 24, 20, прикидывая, сколько времени остается до вынужденного побега.

Наконец он добрался до своего кабинета и позвонил Халиджу, только что заступившему на дежурство.

Позвонив, он принялся мечтать о том, как вернется вечером домой и обретет там блаженную тишину. Но из этих мечтаний его моментально вырвала какая-то пышная матрона с усиками над верхней губой. К мясистому бедру она прижимала огромный таз, куда швыряла ножи и вилки, собирая их со столов обеденного зала дома отдыха, расположенного у черта на куличках. Басовито напевая себе под нос, женщина с нескрываемым удовольствием сеяла вокруг себя дикий грохот. На письменный стол Кройда шлепнулось письмо. Звонок пневматической почты свирепо резанул по его истерзанным нервам.

Послание пришло от Гарольда Леренза, предшественника Кройда на посту директора Национальной библиотеки.

Леренз входил в число известнейших интеллектуалов Америки. В последние годы он жил в герметической квартире, подвешенной в стратосфере с помощью воздушного шара. На сушу, как он сам выражался, Леренз спускался крайне неохотно. Переселившийся в поднебесье отшельник посвящал все свое время семье, писательскому творчеству и переводам с десятка языков. Ежегодно он выдавал по два романа с описанием жизни фантастических воздушных городов, не имевших ничего общего с каменными лабиринтами Дампера. Его книги неизменно становились бестселлерами, что обеспечивало ему безбедное существование. Более того, следуя его примеру, богачи стали селиться в роскошных особняках, заброшенных в стратосферу, где даже появление гостей не приветствовалось, поскольку это могло способствовать распространению полифонической заразы.

В своем письме Гарольд Леренз, „великий пророк воздушного человечества», просил Кройда разыскать несколько материалов, необходимых ему для поэтической антологии, над составлением которой тот работал уже давно. „Она будет называться „Слова кристального молчания», - писал удалившийся на покой директор, - и я собираюсь включить в нее стихотворения, написанные в разные эпохи, одним из основных образов, которых является тишина. Такое название я позаимствовал у болгарского поэта Димчо Дебелянова, величайшего мастера элегической поэзии. Я хочу представить его творчество крупным циклом стихотворений, но, к сожалению, не располагаю оригиналами его произведений...» Далее он сообщал о том, что успешно осваивает славянские языки, и просил Кройда оказать ему дружескую услугу - переслать по указанному адресу книги Дебелянова на болгарском языке, которые, как ему известно, пылились где-то в хранилищах Национальной библиотеки.

Стапен бросил письмо на стол. В сознании всплыли полузабытые картины ярко-белых облаков, чуть тронутых багрянцем заката. Тоже мне нашелся заоблачный Крез! Спустишь-ка ты сам на грешную землю и разыскивай себе на здоровье этого Дебелянова, а у него, у Кройда, на это просто нет сил. И опереться не на кого - еще шесть лет назад весь персонал библиотеки был выведен из его подчинения и передан в роту антишумовой защиты. Потом „из высших соображений” его лишили электронной картотеки и копировальных машин, оставив только компьютер для наблюдения за состоянием фонда. С редкими посетителями приходилось справляться в одиночку, ровно как самому приходилось выполнять заявки и оформлять поступавшие книги. А ведь когда-то и он писал эссе о любимых поэтах. Да, много чего было когда-то! Он вспомнил, как Халидж втолковывал ему причины такого разительного изменения мира по сравнению с двадцатым веком.

Все это мы получили в наследство от своих дедов, бурчал Халидж, и в его ледящем душу взгляде читалась дикая ненависть. Под ударами, посыпавшимися на Халиджа с того времени, как он занял пост начальника штаба протившумовой защиты, он превратился в растерзанный полуфабрикат и мало напоминал того друга детства, с которым они вместе зачитывались сказками.

Наши деды, говорил Халидж, не хотели понять простой истины, состоящей в том, что тишина загрязняется так же, как вода, воздух, почва - вообще вся природа. Им казалось, что она неисчерпаема и снесет любые надругательства. Они до отказа пичкали мусором ее недра, и вот теперь они пробудились и выплевывают на нас всю эту гадость. И если до XX века положение было не столь угрожающим, то во второй его половине ученые начали высказывать догадки о том, что человечество вплотную приблизилось к критической границе разрушения тишины. Общество попыталось поднять голос в свою защиту, однако разрозненные выступления были парализованы равнодушием правительств, прикрывавших свое наплевательское отношение постановлениями министерств и никому не нужными замами. Разве можно было полагаться на декады борьбы с шумом, как на панацею? Дампер, родившийся в 1992 году, спустя тридцать лет накопил достаточно материала, чтобы обосновать свою теорию. Она дала общественности серьезное оружие, но сумеет ли наша общественность добиться победы - это еще вопрос. Согласно одной из гипотез Дампера, нас не только будут атаковать шумы прошлых двух столетий, но и обрушатся лавины звуков, как казалось раньше, давным-давно похороненных.

Тишина на планете продолжает исчезать, хотя мы все больше превращаемся в безмолвные тени, сводили счеты с каждым децибелом, выбиваясь из сил, толкаем назад цивилизацию, развитие которой сопровождалось громом и треском. Вот он - завет дедов: повернуть историю вспять, чтобы выжить! В наше время тишина сохранилась только на самых высоких вершинах, в горстке пещер, на океанском дне да в верхних слоях атмосферы, но и там мы разрушаем ее. Дошло до того что звон разбитой тарелки мы принимаем за пуск ракеты!

В ожидании обеденного перерыва Стапен Кройд припоминал рассуждения Халиджа. Голова его при этом покоилась на письменном столе. Аромат воспоминаний витал в кабинете, казалось, он проникал в его мозг, дразня, напоминал, что где-то в необъятных хранилищах библиотеки затаился том, шепчущий кристальные слова безмолвия. Кто услышит их, кто отправится на его поиски? Волоча ноги, как побитая собака, директор спустился в бар, без особого желания проглотил стандартный обед и, вернувшись в кабинет, снова принял прежнюю позу, завидуя Гарольду Лерензу и его последователям, безмятежно спящим сейчас в своих стратосферных убежищах. У Кройда не было никакого желания трудиться, но, поскольку за патроны приходилось платить,

он не смел покидать рабочее место.

Стапен думал о том, что в этот самый момент спецподразделения борьбы с шумом (а в них влилась почти десятая часть населения планеты) гонятся за звуками, выуживая их из самых укромных уголков планеты, подобно пчелкам по каплям собирают тишину, откапывая ее в самых невероятных местах - в стволах деревьев толщиной в дом, в скалах, в цветах, в рыбах, в солнечном свете. Во времена его молодости в моде были сурдокамеры - встретить их можно было на каждом углу. Целые жилые корпуса и отдельные квартиры перестраивались в сурдожилища; позднее появились патроны, они оказались дешевле, их установка не требовала перестройки жилища. Для людей с видным общественным положением тишина порциями доставлялась из космоса при помощи ракет, цивилизация все больше и больше усилий затрачивала на то, чтобы заштопать прорехи, оставленные предшественниками.

Наконец он вернулся домой!

Халидж сдержал свое слово - в прихожей висел новехонький серебристо-вороной патрон. Стапен Кройд блаженно растянулся на кровати и почти сразу же провалился в сон. В его отключившемся сознании последней мелькнула мысль о том, что жена и дочь наверняка завалились дрыхнуть сразу же, как только патрон был доставлен людьми Халиджа.

Ему снилось, что он перечитывает Колриджа, своего любимого автора, и его слух тревожит лишь легкий шелест страниц и собственное ровное дыхание.

Проснулся он на заре. Жена и дочь продолжали сладко спать. Воскресное утро Кройд встретил с томиком Колриджа в руках. В выходной день Кройд решил сходить на могилу родителей. В тиши кухни все звуки доставляли ему неизъяснимое удовольствие - закипающая в чайнике вода, слабое потрескивание ушей во время завтрака, чистый звон приборов. Едва нарушавшие полную тишину, звуки эти казались ему драгоценным сокровищем, извлеченным из глубоких сундуков памяти.

На автомобиле Кройд доехал до кладбища Аболидо. Оно было защищено от эффектов Дампера и ограждено звукопроницаемым барьером, за создание которого проектировщик был удостоен Нобелевской премии. Его сооружение обошлось городским властям в астрономическую сумму. Над входом горели лазерные буквы надписи: „Если вас не похоронили на этом кладбище, вы жили напрасно». Кройд знал, что кладбищенские аллеи были любимым местом отдыха многих горожан, но в последнее время сюда стали пускать только по специальным пропускам, и то в строго определенные часы.

Осень щедро разукрасила пышные цветы и листву деревьев, чьи кроны в лучах солнца блестели золотом, багрянцем и тусклой зеленью. В воздухе распространялись устойчивая смесь запахов влажной земли, грибов, воска и роз. Вдоль аллей в цветочницах из автопокрышек цвели дикая герань и жимолость. В голове Кройд мелькнула мысль, что эти покрышки еще могут отделаться от цветов и, тряхнув стариной, устроить гонки. В кристальном воздухе витали приглушенные, идущие откуда-то издалека, стоны, всхлипывания, вздохи. Однако их перекрывал стук кирок, крушивших пластмассовые надгробные плиты, шуршание разбрасываемой земли, надсадное дыхание людей, обливающихся потом от тяжелой работы. Кройд с удивлением обнаружил, что из многих развороченных могил торчали торсы или только макушки каких-то людей. В раскопках виднелись пожелтевшие кости.

Остановившись возле одной могилы, он поинтересовался уковырявшегося в ней мужчины в трусах и майке, к чему вся эта затея. Тот печально взглянул на него и сообщил, что по городу ходят слухи о том, что совсем недавно спецподразделения борьбы с шумом разместили на кладбище установки для выкачивания тишины из могил. Что многие жалуются на то, что возле могил близких больше не спасешься от шума и эффектов Дампера. После чего мужчина продолжил деловито копать и выбросил наверх вместе с землей побелевший череп размером в айву, пустые глазницы которого были набиты жирным черноземом.

Пожав плечами, Стапен Кройд двинулся дальше. Разумеется, все это досужий вымысел, непроверенные и зловерные слухи. Разве можно найти другой уголок, где кости родных и близких покоились бы в такой тишине? В одной руке он держал букетик фиалок, другой поглаживал

бороду. Замыкаясь в себе, он наслаждался прекрасным самочувствием и ощущением душевного комфорта. А со всех сторон несся стук кирок, треск раздираемой лопатами земли.

Его покойная мать обожала фиалки, говорила, что они напоминают ей лица человеков на детских рисунках. Вспомнила, что и он в детстве рисовал такие же лица. Где-то совсем рядом журчал ручей, чистая струя языком горного хрусталя щебетала о том, как в детстве Стапен выбирался с родителями на пикники. Малыш резвился на полянке, гоня в футбол консервной банки, а отец в это время углублялся в лес и возвращался с корзинкой, полной брусники.

До могилы родителей оставалось буквально несколько шагов, когда Кройд почувствовал, что проваливается в бездонную шумовую пропасть, где истерически рыдают сирены, пыхтят паровозы, сотрясают небо самолеты, слышится чей-то плач, кто-то с кем-то яростно спорит, постоянно хлопают двери, в столетние деревья взгрызаются механические пилы, дерут глотки младенцы, безумолчно гремят гаубицы, с леденящим душу грохотом ползут танки, шипят сифоны, вопит радио, кто-то возмущается, что лезут без очереди, взлетают ракеты, взрываются аплодисменты, извергаются вулканы, вбиваются гвозди, отчего в голове у него елочными хлопущками стали рваться кровеносные сосуды...

По лицу женщины, склонившейся над соседней могилой, Кройд понял, что это не галлюцинации и не индивидуальная шумовая ловушка, хотя последнее вряд ли показалось бы ему подарком судьбы. Швырнув на землю фиалки, он помчался назад. Из ближайшего видеофона-автомата позвонил Халиджу. Несмотря на то, что ему удалось вовремя вырваться из ловушки, в которую он попался возле ограбленной могилы, эффекты Дампера продолжали преследовать его с удвоенной прытью, поэтому в ожидании связи со Штабом спецподразделений борьбы с шумом он неверной рукой нацарапал записку, которую и сунул прямо под нос Халиджу, как только его физиономия появилась на экране. Записка гласила: „Могила моих родителей разграблена - из нее выкачали тишину. Прикажи немедленно восстановить порядок. Участок 87, аллея 202». Голова у Кройда разламывалась, непереваренный до конца завтрак подступал к горлу, ему казалось, что мир рушится и никакие специальные фильтры не спасут ни его самого, ни Халиджу, ни его хваленый штаб.

На показанном Халиджем листочке был написан ответ: „Тишину на участках 60-100 пришлось выкачать. Восстановление невозможно”.

„Неужели, - осмелился написать Кройд, - патроны, доставленные вчера, наполнены тишиной с этих участков?»

„Все без исключения, - ответил начальник штаба, бросив на него удивленный взгляд. - Жесточайший дефицит на тишину. Мы решили, что ради живых лучше слегка ущемить мертвых. Ведь и они в свое время обобрали своих потомков».

„А может, тишина в моем доме взята как раз с могилы моих родителей?»

Вместо того чтобы написать ответ, Халидж резко отвернулся, его погоны в последний раз ослепили Кройда, и экран погас.

Где-то совсем рядом взвыла бензопила. Снабженная зубьями размером в бивень мамонта цепь резанула его прямо по коленям, и он свалился на пол кабины. Ни один звук его больше не потревожил. Ему не дано было узнать, что через несколько минут все кладбище Аболидо провалилось в Дамперовую бездну. По сравнению с обрушившейся шумовой лавиной бешеный топот мчавшихся стремглав людей казался нежнейшей мелодией. Их бескровные лица сливались в одно пятно причудливой конфигурации.

За весь день никто не обратил внимания на тело директора Национальной библиотеки поэзии. Дверь в кабину видеофона-автомата была открыта, и кружившиеся в воздухе золотистые листья падали на застывшее в страшной гримасе лицо Стапена Кройда.

Перевод с болгарского: Игорь Крыжановский

Графики Васи́ла Иванова

Александр Карапанчев

СТРЕКОЗЫ И ПЛАНЕТЫ

ДА, МЫ ЗАКОНЧИМ чертежи нового звездолета, но подожди немного, милая. Сперва я превращусь в воздушную белую бабочку, которая порхает там, где сливаются солнце, травы и цветы. Я волюсь в общество бабочек, названных учеными или новооткрытых нами, пойму их законы и привычки. Но прошу тебя, не спеши, я начинаю трансформироваться в то, что вижу вокруг. Вчера я был стрекозой с плечами из сапфирной паутины. Спускаясь к реке, становясь рекой, я теку. Замутненный дождями, я проясняюсь, перебегаю в жизнь плакучих ив и ромашек, переходя в рыбу или искрящего словно бронз ящера.

ГЛАЗАМИ ЯЩЕРА я вижу огромные горы, соединяюсь с их склонами – с каменными складками и лесами; горными пиками вкушаю небо, чья плоть пьянит больше, чем самое густое вино. Отражаюсь в звездах и мои лучи возвращаются на Землю, к тебе, милая. Возвращая свой человеческий облик после стольких превращений, после стольких водопадов знания, мое сердце любит тебя сильнее, так что разум не допустит танца под старые песни. Но надо подождать немножко, милая...

РАЗДВИГАЯ ЗАНАВЕС чувств, я улавливаю контуры наших мечтаний. Я возьму тебя с собою в путь своих метаморфоз, мы вместе будем всем: древней рептилией, закачавшейся от гравитационной бури, вулканическими корнями гор или лесными глотками, высоким небом, обсыпанным звездами. Потому что со своего рождения они – и бабочки, и холмы, и цветы, и солнечные блики, ожидают вселение человека, ощутив и узнав их мир, он будет в состоянии валять реальность снов и снов. И тогда, порхая пестрыми крыльями, пронзая травы ящерными ножками, сливая сознание с кристаллами и водяными молекулами, сияя, сами будучи светилами, – мы уже не будем прежними, и наша любовь, милая, будет другой.

ВОЛНЫ ЗАКАТА заливают небо черничным соком. Вот зажигаются сонмы звезд: не они ли те бессмертные цветы весеннего сада Вселенной, Вселенной, которая еоны лет зовет людей постичь и услышать сладостное жужжанье пчел-планет, лучистое журчанье звездных роев? И войдя в этот сад, мы увидим как изначальная весна реверансом уступает место безмерному лету; мечтанные плоды, любимая, будут ласкать нас, развертывая широко крылья нашего звездолета... Но, прошу тебя, не спеши. Наш путь идет через воздушно-белую бабочку, порхающую там, где сливаются солнце, травы и тени цветов.

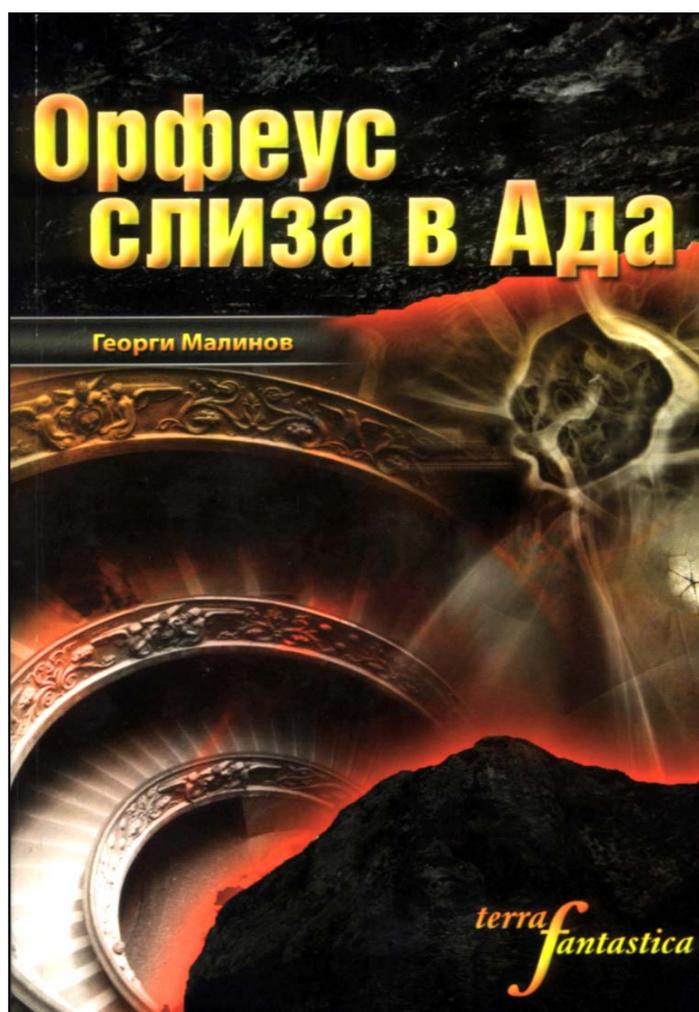
Перевод с болгарского: Атанас П. Славов

Графики: Войтек Сюдмак

законов и спасенный чудом от отсечения головы, и странный всезнайка Хито, личный посол князя для разрешения всяких запутанных случаев.

Их поездка в крепость Чала раскрывает часть проблем империи, которые в конечном счете сводятся к извечным проблемам простых людей, без значения как называется империя - Римской, Византийской или Болгарской. Но она объясняет также почему именно болгары сумели построить империю. По дороге неумолкающий Хито рассказывает бесконечные истории из повседневной жизни царства и каждая рассказанная им история доказывает, что официальные версии исторических событий обычно расходятся с правдой. А в Чале, маленькой красивой крепости, уютившейся в сердце горы Родопы, им предстоит столкнуться со зловещей загадкой. Загадкой, которую не в состоянии разрешить ни магические умения Орфеуса, ни знания Хито, ни воинское искусство Смилеца. Пока не будет сделан последний шаг, не будут преодолены последние ворота, не будет пройден до конца путь познания.

Ведет ли познание к разрушению? Перешагивая последний барьер, разрушит ли Орфеус свой мир – мир, в котором он является гордым гражданином могучей империи? Всегда ли открыватель делает самый правильный выбор и стоит ли решение одной загадки той неясной судьбы, которая его постигнет? Древние истории, легенды, мифы, философия и теологические диспуты сопровождают княжеского мага Орфеуса по пути к раскрытию истины. А финал переворачивает наши представления, чтобы все возвратилось на круги своя.

Янчо Чолаков

ОБЖОРА

Комната в сумраке. Кадило. Стол. Блюда с яствами.

Охота. Ем. Ем, ем. Ам! Кость. Кость в глотке. Боль – слезы в глазах – нервы. Вызывайте врача! Врача. Вызывайте...

Человек в халате. Запах хинина. Железо в горло. Инструмент. Глубоко лезет. Лезет. Гадко. Кость в щипцах. Спасибо! Не знамя ли ихнее это было? Дай! Дай мне вытереть руки.

Стол. Подайте блюда! Яства. Печенка цесарки – жаренные змеи – язык косатки. Как у Нерона. Делаю крест. Вкусно. Большой кайф. Ем. Опять кость. Опять врач. Глубоко лезет. Стошни...ло. Спасибо. Плачу. Мне тоже приходится платить.

Стол. Подайте блюда! Делаю крест. Тревожные сомнения? Симптомы болезни – обжорства.

Изжога. Опу-у-ухание. Сново смотрю на календарь. Угрызений пока нет. Конец зимы. Время для нового начала.

Первое блюдо. Второе и третье. Поднос и голова с повязкой. И много петрушки. Почему так плохо поджарена?

Соль? Дайте соли! Кости – белые. Мясо трупа – сколько кило? Руки – две штуки, мужская и женская с кольцом. Ем. Вкусно. Уберите стол!

Просыпаюсь. Наконец-то. Угрызения – запрещены.

На стене – портрет. Портрет с мудрым лицом. С короной.

Добрый день. Делаю крест. Добрый день, Ваше высочество!

Стол. Подайте блюда! Первое. Второе и третье. Поднос и голова с короной.

Время для нового начала.

